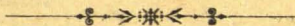

И. Мюленбахъ.

О СЛѢДАХЪ ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА

ВЪ ЛАТЫШСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр. 9 линия, № 12.

1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, апрѣль 1903 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности
Императорской Академіи Наукъ, т. VIII (1903 г.), кн. 1.

О слѣдахъ двойственнаго числа въ латышскомъ языкѣ.

Между учеными распространено мнѣніе, что въ латышскомъ языкѣ двойственное число совсѣмъ исчезло. Ср. Bielenstein, Lettische Sprache II, 6; Brückner, Archiv f. slav. Philol. III, 263; Delbrück, Vergleichende Syntax 144. Однако такому мнѣнію противорѣчатъ латышскій языкъ; ибо хотя этотъ языкъ теперь больше и не знаетъ сознательнаго употребленія двойственнаго числа, все-таки въ немъ остались довольно значительные обломки этого числа. Поэтому попытаемся въ этой статьѣ разсмотрѣть слѣды двойственнаго числа, насколько мы находимъ ихъ въ живомъ латышскомъ языкѣ.

І. Имен.-винительный пад. дв. числ. словъ женскаго рода.

Какъ именительный, такъ и винительный падежъ двойственнаго числа встрѣчается въ латышскомъ языкѣ только въ связи съ числительными. Такъ какъ двойственное число въ латышскомъ языкѣ больше не употребляется сознательно, то нѣтъ ничего удивительнаго, что не только *abi*, оба, *divi*, *dui*, два, но и другія числительныя, въ особенности числительныя 3—9 по аналогіи числительнаго *divi*, *dui*, соединяются, какъ и въ русскомъ языкѣ числительныя три и четыре, съ двойственнымъ числомъ. Приведемъ теперь нѣсколько примѣровъ именит. и винит. пад. дв. числа.

А. Именительный пад. дв. числа словъ женскаго рода.

Div' ētaļi velējās. Ltd. 2760¹⁾ (Залисбургъ), двѣ невѣстки занимались стиркою; divi áusi, četri kāji (BV.) 2313, стр. 911²⁾ (Залисбургъ), два уха, четыре ноги; pēci kūti, vēnas duris Bl. 829³⁾ (Валкъ), пять хлѣбовъ, одна дверь; divi sārkanī kārtiņi, pūlku baltu vistiņu ēkšā. Bl. 692, двѣ красныхъ жердочки, много бѣлыхъ куръ на нихъ; divi šķilī, divi silī Bl. 669 (Эрлая), два полѣна, два корыта; divi rūk', двѣ руки, trīs méit', три дѣвицы (Адиамюнде); trīs méitiņ sasédās BV. pēl. 552, три дѣвицы сѣли. Ср. Bezzenberger, Lettische Dialect — Studien 143.

Эти формы на—*i* отъ словъ женскаго рода, въ функціи именительнаго падежа множественнаго числа, весьма обыкновенны при именахъ существительныхъ, обозначающихъ мѣру, вѣсъ, время и дробь, напр. divi pēdi, 2 фута, pēci mārciņi, 5 фунтовъ, seši dēni, 6 дней, divi pēktdaļi, двѣ пятыхъ. Эта особенность латышскаго языка при послѣднихъ словахъ замѣчена уже латышскими грамматиками, хотя ими въ упомянутыхъ *i* — формахъ еще не узнается двойственное число. Ср. Bielenstein, Lett. Gram. 320, Sterste Latvēšu valūdas mācība II, 15. Если принять во вниманіе, что слова, обозначающія мѣру и вѣсъ, постоянно сопровождаются числительными, то намъ становится понятнымъ, почему именно при нихъ двойственное число сохранилось такъ хорошо, что оно не могло быть незамѣченнымъ латышскими грамматиками.

Б. Винительный пад. дв. числа женск. рода.

Kū tu gribi? Divi ribi DL.⁴⁾ III, 96, чего ты хочешь? Двухъ

1) Ltd. = Latvēšu tāutas dzēsma. Sameklētas un drukā dūtas nū Latvēšu draugu bēdribas, Leipcigā 1875. Имена, поставленные въ скобкахъ, указываютъ на мѣсто нахождения цитата.

2) BV. = Latvju daiņas Kr. Barāna un Vissendorfa izdūtas. Jelgavā 1894.

3) Bl. = 1000 Lettische Räthsel übersetzt und erklärt von A. Bielenstein, Mitau 1881.

4) DL. = Dēnas Lapas pēlikums.

реберъ. Это риѳмованная игра словъ. *Divi peli búšu sakéris L. P. VI, 354, 1)* я поймаю двухъ мышей. *Es redzu divi áiti, pēci gūvi* и имъ подобныя формы двойственнаго числа приходится въ народной рѣчи слышать, рядомъ съ болѣе обыкновеннымъ винительнымъ падежомъ множественнаго числа: *es redzu divi* или *divas aitas, pēci* или *pēcas govis*.

Какъ именительные, такъ и винительные падежи на—*i* бросаются, по уже упомянутой причинѣ, въ глаза особенно при словахъ, обозначающихъ мѣру, вѣсъ и время: *viņa nopirka divi mārciņi lina*, она купила два фунта льна, *septiņi versti gārš*, 7 верстъ въ длину, *četri pēdi plats*, 4 фута въ ширину, *divi dēni vélák LP. VI, 595*, черезъ два дня, *nabadzíte saráudája devini dēni, deviņi nakti LP. VI, 362*, бѣдняжка плакала 9 дней и 9 ночей; ср. *BV. 592; 1610, LP. VI, 157, 356*.

Этотъ винительный падежъ дв. числа встрѣчается и послѣ предлоговъ, требующихъ винительнаго падежа, напр. *ar abi kāji DL. IV, 155*, обѣими ногами; *par divi dēni LP. VI, 264*, черезъ два дня, *par div reizi, BV. 592*, два раза; *pa trīs pēdi LP. VI 439, 516*, на три фута, *pa deviņi vasariņi Ltd. 2799*, черезъ 9 лѣтъ, *saur deviņi kungu valst' 2) Ltd. 1651*, черезъ владѣнія девяти господъ, *uz četri kepi. LP. VI, 266*, на четверенкахъ, *par seši nedēļi DL. II 110*, черезъ 6 недѣль, *pa septiņi jūdži LP. VI, 712*, и пр.

Такъ какъ двойственное число въ латышскомъ языкѣ больше не живетъ жизненной формой, а влачитъ еще только свою жалкую, несознательную жизнь, то нечего удивляться, что форма винительнаго двойственнаго числа ставится не только послѣ предлоговъ, требующихъ винительнаго падежа, но и послѣ предлоговъ, соединяющихся съ другими падежами: 1) послѣ предл. съ родит. пад.: *pēc divi dēni LP. VI, 5*, черезъ два дня, *bez divi mārciņi*, безъ двухъ фунтовъ, *pēc deviņi dēni, LP. VI, 8*.

1) LP. = *Latvėšu táutas teikaxun pasakas, Sakrájis Anss Lerchis Puškáitis*.

2) Окончаніе — *i* въ имен. - винительн. дв. числа весьма часто отбрасывается.

черезъ девять дней, pēc deviīni vasariīni RK. X, 103¹⁾ черезъ 9 лѣтъ; 2) послѣ предлоговъ съ дат. падежомъ: pēci līdz seši pēdi (LP.) VI, 236, отъ пяти до шести футовъ. Ср. Indogerman. Forsih. XIII, 235.

Если не принять въ расчетъ именъ существительныхъ, обозначающихъ мѣру, вѣсъ, время и дроби, то мы должны сказать, что имен.-винительный пад. дв. числа на *i* отъ именъ существительныхъ женскаго рода не часто встрѣчается въ латышскомъ языкѣ; вмѣсто него обыкновенно употребляются формы множественнаго числа на *-as, -es, -is*. Имен.-винительные пад. дв. числа *abi, divi* и по образцу ихъ и другія числительныя отъ 3—9 омертвѣли въ чутѣ языка до такой степени, что они часто, какъ несклоняемыя слова, присоединяются къ всѣмъ падежамъ именъ существ. и женскаго и мужскаго рода: имен. *divi (divas) kārtiņas*, рѣже: *divi kārtiīni, divi galdi*, два стола, род. *divi (divu, divju) kārtiņu, divi (divu, divju) galdu*, дам. *divi (divām, divjām) kārtiņām, divi (divēm divjēm) galdēm*, вин. *divi (divas, divjas) kārtiņas* рѣже *divi kārtiīni, divi (divus, divjus) galdus*, но кромѣ того: *divi galdi*, о чемъ позже будемъ говорить.

Въ теперешнемъ латышскомъ языкѣ чередуются несклоняемыя формы, *abi, divi, dui* съ склоняемыми, приведенными нами въ скобкахъ, такъ что трудно сказать, какія формы чаще употребляются, склоняемыя ли, или несклоняемыя, напр. *divi* или *divas* *plašas māsas*, двѣ толстыя сестры, *divi* или *divju, divu* *pēdu platumā*, 2 фута въ ширину, *divi* или *divu, divju* *gadu vecs*, 2 года отъ роду; *uz divi* (или *divām, divjām*) *kārtiņām* Bl. 688, на двухъ жердяхъ, *ar divi* (или *divēm, divjēm*) *sēcinēm*, Bl. 75, двумя мѣрками, *pārnes divi* (или *divas, divjas*) *silītes un divi šķiliņas* Bl. 512, приносятъ домой два корыта и два полѣна, *ēlēc abi (abas, abjas) prēkškājas kamanās* LPs. VI, 280, вступаетъ обѣими передними ногами въ сани; такъ и другія числительныя отъ 3—9: *pēc deviīni* или *deviņām dēvām*, чрезъ 9 дней, *pēc seši gadēm*, чрезъ 6 лѣтъ и т. д.

1) RK.=Rakstu krājums, izdūts nū Rgas Latvēšu Bēdrības Zīniū komisijas.

Есть въ латышскомъ языкѣ и такіе примѣры, которые сблзняютъ насъ усматривать въ нихъ сознательное употребленіе двойственного числа; такъ ставится двойственное число *abi* не рѣдко по отношенію къ двумъ предыдущимъ отдѣльнымъ подлежащимъ женскаго рода: *zēd abele pret ábeli, abi* (вм. *abas*) *vēnā kàlniíná, dzēd māsiína pret māsiínu, abi* (вм. *abas*) *táutu rúciína* ВУ. 251,2 цвѣтетъ яблоня насупротивъ яблони, обѣ на одномъ холмѣ; поетъ сестрица насупротивъ сестрицы, обѣ въ рукахъ чужихъ людей. *Vēns saka: man zēma laba, otrs: man vasara, un trešáis: man abi labi* РК. VII, 100 (Сунцель), одинъ говоритъ: «для меня зима хороша», другой: «для меня лѣто», и третій: «для меня оба хороши». Хотя приведенные два примѣра кажутся на первый взглядъ одинаковыми, но всетаки они не имѣютъ ничего общаго между собою. Разница между ними состоитъ въ томъ, что въ первомъ *abi* относится къ двумъ одинаковымъ (*ábele pret ábeli, māsiína pret māsiínu*), а въ послѣднемъ къ двумъ неодинаковымъ, неодушевленнымъ предметамъ; въ первомъ примѣрѣ можно вмѣсто омертвѣлой формы двойственного числа *abi* поставить множественное число *abas*: *zēd ábele pret ábeli, abas vēnā kàlniíná; dzēd māsiína pret māsiínu, abas táutu rúciíná*; такая замѣна омертвѣлаго двойственного числа *abi* множественнымъ числомъ женскаго рода возможна и тогда, когда *abi* относится къ двумъ неодинаковымъ, одушевленнымъ предметамъ: *vēns saka: «man māt xmīla», otrs: «man méita», un trešáis: «man abas mīlas»*, одинъ говоритъ: «мнѣ мать мила»; другой: «мнѣ дочь», а третій: «мнѣ обѣ милы». Но въ вышеприведенной загадкѣ, въ которой *abi* относится къ двумъ неодинаковымъ, неодушевленнымъ предметамъ, *abi* вовсе не представляетъ именительный пад. дв. числа женск. рода, а первоначально именит. пад. дв. числа средняго рода, а теперь именит. пад. множ. числа мужскаго рода, замѣняющаго собою въ латышскомъ языкѣ вымершій средній родъ, какъ и въ известной латышской пословицѣ: *abi labi, bāzi máisá*, оба хороши, т. е. то и другое, сунь въ мѣшокъ. Слѣдовательно, такіе примѣры, какъ *abi labi*, ничего не

доказываютъ въ пользу сознательнаго употребленія двойственнаго числа. Но не больше доказательной силы имѣютъ и такіе примѣры, какъ *zēd ábele pret ábeli, abi vēnā kàlnińá*; ибо если омертвѣлая форма *abi* можетъ присоединиться къ разнымъ падежамъ множественнаго числа въ качествѣ опредѣленія, то нѣтъ никакой причины, почему бы ей, какъ омертвѣлой формѣ, не относиться къ двумъ предыдущимъ отдѣльнымъ подлежащимъ.

Болѣе въ пользу сознательнаго употребленія двойственнаго числа говорятъ, повидимому, опредѣленія, которыя, относясь къ двойственному числу, сами принимаютъ форму двойственнаго числа, какъ напр. *divi sàrkani kàrtińi, pũlku baltu vistińu ěkšá* Bl. 692. Такъ какъ двойственное число именъ существительныхъ въ большинствѣ случаевъ вытѣснено множественнымъ числомъ, то само собою разумѣется, что такихъ примѣровъ, какъ *divi sàrkani kàrtińi*, въ латышскомъ языкѣ не много, т. е. такихъ примѣровъ, въ которыхъ двойственное число кромѣ числительнаго имѣетъ еще другое опредѣленіе. Но тѣ имена существительныя, которыя лучше всѣхъ сохранили двойственное число, т. е. существительныя, обозначающія мѣру, вѣсъ и время, часто принимаютъ опредѣленіями *káds*, какой-нибудь, *vesels*, цѣлый, напр. *vaj tur búš kádi divi asi málkas?* будетъ ли тамъ (какіе-нибудь) двѣ сажени дровъ? *né, tur ir veseli četri asi málkas*, нѣтъ, тамъ цѣлыхъ четыре сажени; *es nopirku kádi astũni mār-cińi, veseli devińi marcińi svēsta*, я купила (какіе-нибудь) восемь, цѣлые девять фунтовъ масла; *gravis kádi pēci pēdi dzĩls, veseli septińi pēdi plats*, ровъ (какихъ-нибудь) пять футовъ въ глубину, цѣлые семь футовъ въ ширину; *es biju tur kádi trīs dēni, veseli devińi nedēļi*, я былъ тамъ (какіе-нибудь) три дня, цѣлыхъ девять недѣль. Но и эти опредѣленія, какъ и существительныя, которыя они опредѣляютъ, употребляются несознательно, лишь по силѣ аттракціи формы числительныхъ.

Въ народномъ языкѣ находимъ и такіе примѣры, въ которыхъ склоняемое сказуемое принимаетъ повидимому форму двойственнаго числа на — *i*, когда оно относится къ подлежащему,

опредѣленному числительнымъ (divi) или одинаково къ двумъ подлежащимъ: Māmiń, tu man nemelŭ, teu bij divi maléjińi; es pagāju gaŕam sētu — abi mala dzēdādami BV. 674 (Весень). Вариантъ представляетъ общепринятое: divas maléjińas — abas mala dzēdādamas, матушка, ты не лги, у тебя были двѣ мукомолки, я вчера проходилъ мимо двора, обѣ распѣвая мололи; divi kārt(i)s pilumi (= pilni) baltu vistu Bl. 689 (Валкъ), двѣ жерди полны бѣлыхъ куръ; divi jāunavas ēt pa ceļu, svēstu māizi ēzdami Bl. 263 (Пуссень), двѣ дѣвушки идутъ по дорогѣ, ѣдя масла, хлѣба; ai, māsiņa, ai māsiņa, kā es tevi pacētišu, lāi gājām, kur gājām, abi gājām dzēdādami BV. 301. (Гросъ-Бушгофъ), охъ, сестрица, охъ, сестрица, какъ я буду жить безъ тебя; куда бы мы ни шли, обѣ мы шли распѣвая пѣсни; rāudāj' méita, rāudāj' māte, vezumińu taisidami Ltd 1213 (Грандуппень), плакала дочь, плакала мать, накладывая возъ. Эти примѣры на нашъ взглядъ крайне интересны, потому что они указываютъ на одну сторону, откуда грозила опасность женскому роду въ латышскомъ языкѣ, такъ что въ говорахъ сѣверо-западной Курляндіи и сѣверо-западной Лифляндіи развилась склонность къ переходу женскаго рода въ мужескій. Поэтому остановимся немного подробнѣе на этихъ примѣрахъ.

Не только въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ говорѣ которыхъ женскій родъ уступаетъ мужескому, но и въ тѣхъ, въ которыхъ женскій родъ живетъ полною жизнью, женщины, говоря про себя, весьма часто ставятъ склоняемое сказуемое въ мужескомъ родѣ, напр. es (женск. р.) esmu dzimis Bērzmuizā, я родилась въ Берзенѣ. Если обратиться въ учтивомъ разговорѣ къ лицу женскаго пола, то наблюдаются два случая: склоняемое сказуемое ставится или по смыслу въ единственномъ числѣ женскаго рода, или, согласуясь въ числѣ съ мѣстоименіемъ второго лица множественнаго числа jūs, вы, въ множественномъ числѣ мужескаго, а не женскаго рода, напр. vaj jūs, cēnmāte, nevesela или neveseli? больны ли вы, сударыня? Говоря о третьемъ лицѣ женскаго рода съ особымъ уваженіемъ, латышъ употребляетъ

и мѣстоименіе третьяго лица и склоняемое сказуемое въ множественномъ числѣ мужскаго рода, напр. *viñi vél neveseli*, она еще не здорова, собственно, они еще не здоровы.

На основаніи сказаннаго мы не ошибемся, принимая *abi dzėdádami* въ приведенномъ примѣрѣ *gājám abi dzėdádami* за множественное число мужскаго рода. Такъ же, не задумываясь долго, можемъ въ примѣрѣ *divi jaunavas ėt — ėsdami* принять *ėsdami* какъ множественное число мужскаго рода, такъ какъ этотъ примѣръ записанъ въ Пуссенѣ, гдѣ женскій родъ часто замѣняется мужскимъ. И въ примѣрѣ, написанномъ въ Граудупенѣ *ráudáj'mėita, ráudáj'māte, vezumiñu taisídami* можно форму *taisídami* считать за множественное число мужскаго рода, такъ какъ въ Граудупенѣ замѣтно нѣкоторое колебаніе женскаго рода. Но затрудненія причиняють примѣры *divi kār-t(i)s pilumi* и *teu bij divi malėjiñi-abi mala dzėdádami*, потому что они заимствованы изъ мѣстностей, въ говорѣ которыхъ сохраняется женскій родъ. Какъ понять *divi malėjiñi*, какъ остатки исконнаго двойственнаго числа или какъ единичные случаи замѣны женскаго рода мужскимъ?

Изъ единичныхъ примѣровъ нельзя вывести никакихъ общихъ заключеній. Я привелъ ихъ только съ тою цѣлью, чтобы показать, что языкъ самъ въ эпоху паденія сознательнаго употребленія двойственнаго числа по отношенію къ такимъ примѣрамъ не находился въ меньшемъ затрудненіи, чѣмъ мы теперь находимся, разсматривая ихъ. Нѣтъ сомнѣній, что было время, когда послѣ числительныхъ *abi, divi* употреблялось исключительно двойственное число, какъ и теперь еще въ нѣкоторыхъ литовскихъ говорахъ, и слѣдовательно можно было говорить только такъ: *divi kártiñi pilni* (дв. ч.) *baltu vistiñu*. Удивительно ли, что языкъ, теряя со временемъ сознаніе двойственнаго числа и допуская вслѣдствіе того двойственное число по образцу числительнаго *divi* и послѣ другихъ числительныхъ, началъ, побуждаемый тождествомъ окончанія имен.-винительн. пад. дв. числа женск. рода съ окончаніемъ именит. множественнаго числа му-

жескаго рода, считать непонятныя формы дв. числа за именит. пад. множественнаго числа мужескаго рода и пролагать такимъ образомъ путь къ переходу женскаго рода въ мужескій въ сѣверныхъ латышскихъ говорахъ. Что непонятныя формы служатъ источникомъ разныхъ новообразованій, это извѣстно каждому языковѣду. А что касается въ частности нашего случая, то припомнимъ латинское имя существительное *lumbus*, которое, благодаря двойственному числу женск. рода *lumbi*, получило, по весьма вѣроятному предположенію I. Шмидта (*Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra* стр. 6), мужескій родъ, потому что имен.-винительный пад. дв. числа женскаго рода *lumbi* по звуковымъ законамъ совпалъ съ именит. падежемъ множ. числа мужеск. рода (*lupī*).

Биленштейнъ (*Die Grenzen des lettischen Volkstammes* 408) объясняетъ переходъ женскаго рода въ мужескій вліяніемъ ливскаго языка, который, какъ всѣ финскіе языки, женскаго рода не имѣетъ. Но Беценбергеръ (*Lett. Dialekt-Studien* 140) указываетъ, основываясь на тонкомъ наблюденіи латышскаго языка, на путь, по которому латышскій языкъ могъ самостоятельно, безъ вліянія ливскаго языка, подойти къ опасности, грозящей женскому роду. Вотъ что пишетъ Беценбергеръ объ этомъ вопросѣ: «Въ латышскомъ языкѣ являются нерѣдко уменьшительныя слова женскаго рода въ мужескомъ родѣ, напр. *meitens*, дѣвочка, *Annelis*, Аннушка. Эти уменьшительныя слова, на которыя латышскій языкъ смотритъ, какъ на настоящія слова мужескаго рода и по отношенію къ которымъ въ продолженіи предложенія употребляется анафоричное мѣстоименіе мужескаго рода *vīnš* и *tas*, онъ, имѣетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уничижительный оттѣнокъ значенія; однако нечего сомнѣваться, что этотъ уничижительный оттѣнокъ былъ языку первоначально чуждъ и развился изъ первоначально уменьшительнаго значенія¹⁾. Какъ вообще въ латышскомъ языкѣ вымер-

1) На своей діалектической экскурсіи въ прошлое лѣто я слышалъ *vīnš* изъ устъ олайской женщины, по отношенію къ собственной сестрѣ, безъ вся-

шій средній родъ замѣненъ мужескимъ, такъ и въ этихъ уменьшительныхъ словахъ вступилъ безъ сомнѣнія мужескій родъ на мѣсто исчезнувшаго средняго рода, (ср. нѣм. *das Fräulein, das Mägdchen*, греч. τὸ κοράσιον, ἡ Γλυκέριον, лит. *mergelūtis*), и такимъ образомъ *vīñš* оказывается замѣнителемъ средняго рода. Если припомнимъ любовь латышей къ уменьшительнымъ словамъ, если дальше припомнимъ, что уменьшительныя слова, теряя свое собственное значеніе, иногда употребляются въ смыслѣ коренныхъ словъ, и если тогда будемъ имѣть въ виду тамскій, т. е. въ сѣверныхъ говорахъ встрѣчающійся способъ выраженія *vīñš gāja*, она пошла, то онъ представляется въ иномъ свѣтѣ. Съ такой точки зрѣнія онъ не является ошибочнымъ, но первоначально вѣрнымъ и умышленно избираемымъ способомъ выраженія, который только лишился своей особенной прежней окраски.

Слѣдовательно, такія предложенія, какъ *vīñš gāja*, она пошла, правильны. Будучи въ ходу въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, они имѣли вліяніе на женскій родъ, которому послѣдній тѣмъ больше подавался, что онъ какъ въ латышскомъ, такъ и въ литовскомъ языкѣ занимаетъ болѣе подчиненное мѣсто; такъ говоритъ женщина про себя: *es esmu vainīgs*, лит. *asz esñ kāltas*, я виновенъ, вм. я виновна. На основаніи сказаннаго мы въ правѣ признать въ сѣверныхъ говорахъ встрѣчающіяся предложенія *mēs* (женск. род.) *ir saciš*, *mēs ir biš*, законными. Съ ними находятся на одной ступени предложенія *man*¹⁾ *māte ir sens*, и отъ нихъ только еще одинъ шагъ къ такимъ, какъ: *tas méiņ jāuns*, *tē méiņs ir smuk*.

Можетъ быть, что обще-латышское согласованіе, какъ:

кой примѣси презрѣнія, причемъ надо замѣтить, что въ говорѣ олайской волости женскій родъ въ другихъ случаяхъ вполне уцѣлѣлъ.

1) Веценбергеръ ставитъ ошибочно послѣ *man* апострофъ. *Man* не есть притяжательное мѣстоименіе, но *dativus possessivus*, который въ сѣверо-восточныхъ говорахъ Лифляндіи замѣняетъ мѣстоименія притяжательныя и *genitivus possessivus*, напр. *man vīgam*, моему мужу, *tas nan mums valīd*, это не нашъ языкъ, ср. ВК. XIII, 93.

tas ir méita¹⁾, это дѣвушка, divi méitas, двѣ дѣвочки, способствовали вытѣсненію женскаго рода въ сѣверныхъ латышскихъ говорахъ».

Если принять въ соображеніе при выясненіи судьбы женскаго рода, съ одной стороны, съ Беценбергеромъ утрату средняго рода и болѣе подчиненное положеніе женскаго рода въ латышскомъ языкѣ и, съ другой стороны, съ нами потерю двойственнаго числа, то даже и подробности вопроса по женскому роду латышскаго языка могутъ быть выясняемы, между тѣмъ, какъ онѣ, при предположеніи Биленштейна, ставятъ насъ въ тупикъ, какъ это сейчасъ увидимъ.

Женскій родъ въ сѣверныхъ латышскихъ говорахъ не вполне вытѣсненъ мужескимъ. Изъ устъ одной ладенгофской женщины мнѣ пришлось слышать такую смѣсь женскаго и мужскаго рода: sēv'dzīvs, жена жива, собственно живъ, vēn méit, одна дѣвушка, dēn ir gār, день длиненъ. Весьма обыкновенны такого рода предложенія, какъ слѣдующее, мною въ Сенкулѣ слышанное: vīnam nevēn preilen nebīj, kā vēnts pats, у него не было ни одной дочери, кромѣ одной, собственно: кромѣ одного. Притомъ слѣдуетъ замѣтить, что имена существительныя женскаго рода крайне рѣдко принимаютъ въ именительномъ пад. ед. числа окончаніе мужскаго рода — s, напр. nedāļš=nedēla, недѣля (Ней-Зались), sēnts=sēna, стѣна (Адиамюнде, Ульпинъ); но довольно часто слышны именительные падежи женскаго рода съ окончаніями мужскаго рода — s отъ уменьшительныхъ именъ существительныхъ: mājiņš, домикъ (Вилкенгофъ, Альтъ-Зались)

1) Беценбергеръ ошибается, выдавая tas ir méita за обще-латышское согласованіе. Въ такъ называемомъ средне-латышскомъ говорѣ, на которомъ основывается латышскій литературный языкъ, согласуется въ такихъ случаяхъ мѣстоименіе указательное съ именемъ существительнымъ въ родѣ и числѣ, какъ въ латинскомъ языкѣ. Только тогда, когда имя существительное употребляется въ адвербіальномъ значеніи, мѣстоименіе указательное является въ мужескомъ родѣ, замѣняющемъ вымершій средний родъ, напр. tas ir vēn-ālgā, это все равно, но: tā ir laba ālgā, это хорошее вознагражденіе, tas ir tēsa, это правда, tā ir tēsa, это судъ. Въ прочемъ я присоединяюсь вполне къ толкованію Беценбергера.

urpits, рѣчка (Лемзаль), но тамъ же изъ усть той же женщины lēl ur, большая рѣка, sēlavīnš, трясогузка (Пернигель). Мнѣ ни разу не приходилось слышать, въ сѣверо-западной Курляндіи, гдѣ женскій родъ уступаетъ въ меньшемъ размѣрѣ мужескому, чѣмъ въ сѣверо-западной Лифляндіи, такія формы, какъ pedāls, но majiš (Вальдегалень), тамъ же изъ усть того же лица lēl māj', большой домъ: mazz mazz mājš simt lūdziņ' ēkše, маленькій маленькій домикъ, въ сто оконъ (Маркграфень), māsiš, сестрица, māmiš, матушка, rukits, цвѣтокъ, saulits, солнышко, (Ангермюнде). Ср. Ltd. 2383, Mag. VIII, 2088¹⁾; mazz, mazz pilnš, pilns sprungulīšu Bl. 566, маленькій, маленькій дворець, полный палочекъ. Эта загадка записана въ Соннактѣ, гдѣ женскій родъ вполне сохранился. Этотъ переходъ уменьшительныхъ словъ женскаго рода въ мужескій родъ представляется дальнѣйшимъ развитіемъ первыхъ, обще-латышскихъ начатковъ этого явленія; ср. meitens, Annelis.

Если подлежащее имя существительное женск. рода, то склоняемое сказуемое въ сѣверныхъ латышскихъ говорахъ ставится очень часто въ мужескомъ родѣ, напр. zēm ī slapš, земля сыра; но имена прилагательныя и причастія, употребляемыя въ качествѣ опредѣленія, согласуются съ подлежащимъ въ родѣ и числѣ. Между примѣрами, приведенными Беценбергеромъ (Lett. Dialekt-Studien 143) находится одинъ примѣръ, который говоритъ противъ этого правила, именно labs gūka, правая рука, вм. labá gūka (Адямюнде). Однакожъ такіе примѣры столь рѣдки, что мнѣ ни разу на моихъ діалектическихъ экскурсіяхъ не приходилось слышать. Часто, правда, согласуется tas, тотъ, tē, тѣ, съ именами существительными женскаго рода, напр. tas méit, дѣвушка, tē meits, рѣдко и vēns, одинъ, напр. vēnts vārn' brēc(i)s, одна ворона каркнула (Тегашъ). Это различіе рода въ употребленіи имени прилагательнаго и причастія какъ сказуемаго и опредѣленія мѣтко характеризуютъ такого рода примѣры: bārg zēm pārcēsts, суровая зима перенесена, (Дондангенъ, Bezenber-

1) Mag. Lett. Volkslieder, Magazin der Lettisch-Liter. Gesellschaft.

ger, Dialekt-Studien 143), *mana sēva ir jāunts* (Алендорфъ), *tē méits ir jāun'*, рядомъ съ *jāun's méits* (Эрвалень). Откуда это различіе? Предположеніе Биленштейна не можетъ это никакимъ образомъ объяснить, такъ какъ остается совсѣмъ непонятною загадкою, почему отсутствіе женскаго рода въ финскихъ языкахъ не повліяло одинаково на устраненіе женскаго рода въ словахъ, употребляемыхъ въ латышскомъ языкѣ въ качествѣ сказуемаго и опредѣленія. Если же съ нами искать объясненія этого явленія на почвѣ самого латышскаго языка, то мы найдемъ здѣсь дальнѣйшее развитіе обще-латышскаго зародыша, скрывающагося въ обще-латышскомъ согласованіи: *es* (жен. р.) *esmu dzimis*, *вм. dzimusi*, я (женск. р.) *родился*, *вм. родилась*, *es* (женск. р.) *esmu jāuns*, *вм. jāuna*, я (женск. р.) *молодъ*, *вм. молода*.

Именительный падежъ существительнаго женскаго рода, какъ уже сказано, принимаетъ крайне рѣдко примѣту именительнаго падежа мужскаго рода — *s*, но во множественномъ числѣ тѣ же существительныя встрѣчаются довольно часто въ сѣверо-западной Лифляндіи съ окончаніемъ мужскаго рода — *i*; въ особенности въ Ней-Залисѣ такіе именительные падежи на — *i* отъ словъ женскаго рода весьма употребительны: *cūki*, *вм. cūkas*, свиньи, *áiti*, *вм. áitas*, овцы, *visti*, *вм. vistas*, куры, *pīli*, *вм. pīles*, утки, *dzūsi*, *вм. dzūsis*, гуси, *vēsi nakti*, *вм. vēsas naktis*, прохладныя ночи, рядомъ съ именительнымъ падежомъ ед. числа: *cūk'*, *áit'*, *pīl'*, (*vists*) *ср. RK. XIII, 84, 85*. При предположеніи Биленштейна это болѣе частое употребленіе именительнаго падежа мн. числа на — *i* отъ словъ женскаго рода объяснить нельзя. Если же съ нами оставить вліяніе ливскаго языка въ сторонѣ, то намъ представляется возможность предположить здѣсь перенесеніе окончанія двойственнаго числа на множественное число; по аналогіи законнаго *tē divi nakti* = лит. *tē dvi nakti* возникло *tē vēsi nakti*, или со смѣсью дв. и мн. чиселъ: *tē divi nakt(i)s*. Въ такомъ случаѣ мы имѣли бы въ латышскомъ языкѣ похожее явленіе, какъ въ латинскомъ языкѣ: *frenum*, мн. ч.

freni; gastrum, мн. ч. gastrī; ибо и въ латинскомъ языкѣ имена существительныя frenum, gastrum удержали въ ед. числѣ свой первоначальный средній родъ, хотя въ множественномъ числѣ, благодаря звуковому совпадению именит.-винительнаго дв. числа средняго рода съ именительн. мн. числа мужескаго рода, формы freni, gastrī перешли въ мужескій родъ. Ср. I. Schmidt Die Pluralbildungen d. indogerm. Neutra 6. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ форма мн. числа, измѣненная подъ вліяніемъ дв. числа, могла повлечь за собою соотвѣтствующее измѣненіе въ ед. числѣ; и такъ по аналогіи дв. числа divi visti могъ произойти имен. мн. числа visti, а на основаніи этого новообразованія могъ образоваться соотвѣтствующій именит. падежъ ед. числа: vists (Ней-Зались). Ср. латинск. lumbus, по аналогіи дв. ч. lumbi. I. Schmidt Die Pluralbildungen 6.

По моему убѣжденію можно вліяніе ливскаго языка на латышскій допустить только въ такомъ размѣрѣ, что ливскій языкъ, не прививая ничего новаго латышскому языку, лишь способствовалъ своими аналогичными явленіями ускоренію развитія нѣкоторыхъ зародышей, скрывающихся въ самомъ латышскомъ языкѣ.

Но какъ бы то ни было, это внѣ всякаго сомнѣнія, что въ разсмотрѣнныхъ нами формахъ abī acī, divi dēni мы имѣемъ такіе же именит.-винительные пад. дв. числа, какъ въ литовскомъ языкѣ abī akī, dvī dēni.

Формы на—ī въ функціи винительнаго падежа множественнаго числа встрѣчаются въ латышскомъ языкѣ не только отъ словъ женскаго, но и отъ словъ мужескаго рода, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь приступимъ.

II. Винительный падежъ двойственнаго числа отъ словъ мужескаго рода на—ī.

Kēniņa méita divi ábūli apéda LP. VI, 862, дочь короля съѣла два яблока; viņš uzgājis divi velli káujamēs LP. VI, 924,

онъ засталъ двухъ чертей дерущимися; *Laimē sēd du krēslīn* (вариантъ *divūs krēslus*) BV. 1216. (Шлекъ)¹), Лайма сидитъ на двухъ креслахъ; *dui svārki vilku* BV. 1315, я надѣла двѣ юбки; ср. BV. 1146, 1,2; 4976, 12; 4978, 6; Ltd. 2339; 2935; *es tāi méitas māmiņai, trīs želumi padarīju* Ltd. 1584, я причинилъ матери дѣвушки тройное горе; *trīs zīrgi jūdzu* BV. 1329, 2, я запрягла трехъ лошадей; *šuj, méitiņa, pēci krekli* Ltd. 727, шей, дѣвушка, пять рубахъ; *pēci vērši lāi nūkauj*, чтобы закололи пять быковъ; *nūgāva vėl seši abūli* LP. VI, 862, онъ сорвалъ еще шесть яблоковъ; *ēlējuši septiņi spaņi ūdens* LP. VI, 623, она налила семь ведеръ воды; *vilks atnesa deviņi jēri* LP. VI, 264, волкъ принесъ девять ягнятъ; *reiz vadātāji vēnu vīru desmit gadi vadājuši* LP. VI, 183, однажды злые духи водили одного мужа десять лѣтъ; *jāsatur gāilis divpadsmit gadi* LP. VI, 60, надо держать пѣтуха 12 лѣтъ; *divdesmit gadi saturėjusi dēlu pagrābā* LP. VI, 524, она держала двадцать лѣтъ (своего) сына въ погребѣ; *vīnš ēdevis sēvai divdesmit pēci rubli, ūtreiz pārnēsis pēcdesmit rubli, trešreiz pat simts rubli* LP. VI, 370, онъ отдалъ женѣ 25 рублей; второй разъ онъ принесъ домой 50 рублей, третій разъ даже сто рублей.

Когда къ имени числительному не ставится имя существительное, а подразумевается, то и въ такомъ случаѣ имя числительное можетъ принять форму на — *i*, напр. *vēns nūsistāis sita seši* LP. VI, 1011, одинъ убитый убилъ шестерыхъ.

Эта форма винительнаго падежа мн. числа на — *i* особенно употребительна при именахъ существительныхъ, обозначающихъ мѣру и вѣсъ, такъ что она не могла ускользнуть отъ вниманія латышскихъ грамматиковъ: *divi klēpjī akmeņi jau bij ēbēris ezegā* LP. VI, 449; двѣ ноши камней онъ уже насыпалъ въ

1) Въ латышскомъ такъ же, какъ и въ санскритскомъ языкѣ (см. Delbrück, Vergl. Synt. 363), употребляется, винительный при глаголѣ *sédēt*, сидѣть, напр. *sēdi, Dékli, vēnu krēslu* BV. 1216; 1428, 1. Такъ и, по всей вѣроятности, мы имѣемъ дѣло съ винительнымъ, а не съ творительнымъ въ слѣдующей латышской поговоркѣ: *Lāixdus vēglu smilti, spūži saulī*, пусть отдыхаетъ подъ легкимъ пескомъ, подъ свѣтлымъ солнышкомъ.

озеро; tad krupis licis trīs vakari ēnest trīs klēpji žagaru LP. VI, 960, тогда жаба приказала три вечера вносить по три охабки хворосту; bij aiznēmēs trīs sēki zelta náudas LP. VI, 380, онъ занялъ три мѣры золотыхъ монетъ; viņš ēdis septiņi kukulī máizes LP. VI, 414, онъ съѣлъ семь караваевъ хлѣба; úznesis astūni pūri baltū zirņu LP. VI, 339, онъ внесъ восемь пурь бѣлаго гороху; ēmērijūt divpadsmit mēri rudzu LP. VI, 60, отмѣряя 12 мѣръ ржи; pēlicis seši pūdi tērauda LP. VI, 457, прибавилъ шесть полупудовъ стали; seši pūdi smags LP. VI, 313, въ шесть полупудовъ вѣсомъ. Ср. Bielenstein Lett. Gram. 320.

Столь же часто имѣютъ имена существительныя мужскаго рода, обозначающія время, въ функціи винительнаго пад. множественнаго числа форму на — i, напр. divi, trīs, četri, pēci, seši, septiņi, astūni, deviņi, desmit gadi vecs, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 лѣтъ отъ роду. Ср. Ltd. 117, 2978, LP. VI, 70. Trīs rītiņi saule léca uz zālāju ūzūliņu, trīs gadiņi tāutas gāja, vārdu manu nezināja Ltd. 2033, три утра солнце восходила, озаряя зеленый дубокъ; три годика женихи ходили, не зная моего имени; BV. 687, 1230. Bezzenberger Lett. Dialect-Studien 19, прим. 5.

Какъ отъ именъ существительныхъ женскаго рода, такъ и отъ именъ существительныхъ мужскаго рода винительные на i являются послѣ всѣхъ предлоговъ, 1) послѣ предлоговъ съ винит. пад.: ar ab'nag' DL. IV, 170, обоими когтями; pa divi mēneši LP. VI, 262, черезъ два мѣсяца; uz trīs gadi LP. VI, 396, на три года; máiss ar trīs pūri lēls LP. VI, 110, мѣшокъ въ пурѣ три величиною; ar četri zirgi LP. VI, 391, четыре лошадыми; pa pēci sūli LP. V, 30, на разстоянїи пяти шаговъ; saur deviņi glāžu lūgi Ltd. 1651, черезъ 9 стеклянныхъ оконъ. Ср. LP. VI, 877; 895; 1059; BV. 413; 525; 1282; 5133; 3447; 4976; 5037; 4917; DL. II, 134; Ltd. 284; 2) послѣ предлоговъ съ родительн. пад.: Kad bēni máizes rēcēnu nū abi gali láuž, tad tūs suká pa abi gali DL. I, 112, когда дѣти ломають хлѣба ломають съ обохъ концовъ, тогда ихъ деруть по обимъ

концамъ; *pē abi kūki* (Lautenbach Vidvuds IV, 182) къ обоимъ деревьямъ; *bez trīs pūri kvēšu* LP. VI, 366, безъ трехъ пурь пшеницы. *pēc četri, pēc septiņi gadi* LP. VI, 143; V 373, 380, черезъ четыре, семь лѣтъ, *āiz deviņi ezeriņi* за девятью озерами; ср. Ltd. 1745; *nū deviņi bāleliņi* BV. 600, отъ девяти братьевъ; ср. BV. 1342; 3) послѣ предлоговъ съ дат. падеж. *četri līdz pēci pūdi smags* LP. V, 373, тяжелый вѣсомъ отъ четырехъ до пяти полупудовъ.

Если опредѣлительныя слова стоятъ при рассматриваемыхъ винительныхъ, то и они принимаютъ форму на — *i*, напр.: *uz rudeni atstellēšu divi vecē (!), bāleliņi, četri bēri kumeliņi* BV. 583, 3 стр. 842, на осень я пошлю къ тебѣ двухъ старыхъ братьевъ, четырехъ гнѣдыхъ лошадей; *atdūd vēnus kaltus vaģus, četri bēri kumeliņi* BV. 3730, отдай одну кованную телѣгу, четырехъ гнѣдыхъ коней; *es redzēju jūriņai, div sārkanī rūžu krūmi* BV. 4006, я видѣла въ морѣ два красныхъ розовыхъ куста; ср. BV. 4976, 12; *tētīt, manu tēvāinīti, cik tu man tās māntas dūsi? divi veci kazūciņi un pusūtru kamzūlīti* BV. 3756, батя, мой батюшка, сколько ты дашь мнѣ вещей? двѣ старыя шубки и полтора камзола; *iztēmpis visu putru, armēgam savi nēši divi* LP. V, 339, выхлебалъ всю путру (напитокъ у латышей), около двухъ полныхъ ношъ; *zēns mētājās pa jūgu veseli trīs gadi* LP. VI, 311, мальчикъ скитался по морю цѣлые три года; *bērns ir jau kādi pēci gadi vecs*, ребенку уже около пяти лѣтъ отъ роду.

Винительный падежъ на — *i* отъ именъ существительныхъ мужескаго рода сходенъ, какъ изъ приведенныхъ примѣровъ явствуетъ, вполне съ винительнымъ отъ словъ женскаго рода. Омертвѣлость этихъ формъ доказывается не только тѣмъ, что онѣ полагаются послѣ всѣхъ предлоговъ: *pēc divi dēni, pēc divi mēneši*, но и тѣмъ, что онѣ употребляются, хотя не часто, и въ предложеніяхъ безъ предлоговъ, 1) въ функціи родительнаго множ. числа, напр. *lūdzu divi mēneši laika* LP. VI, 1008, прошу сроку два мѣсяца; *četri dēni laikā lini nūplūkti*, LP. VI, 361,

въ теченіе четырехъ дней лень былъ сорванъ; *jumprawa ēt pa gālmu simtu gabalu klēiti*¹⁾ RK. VII, 127; 2) въ функціи творительнаго, напр. *tāutu dēla plāni āuti abi rūki tauñājami Ltd. 518*, тонкій платокъ жениха можно прижимать обѣими руками; *zūbins abi puši ass Mancelius Postille I, 294*, мечъ обоюдо-острый, собств. обѣими сторонами. Развитію послѣдней функціи могло способствовать звуковое совпаденіе винит. творит. пад. ед. ч. и формальное тождество винит.-творит. ед. ч. основъ на — е и — і съ винительнымъ дв. ч. женск. рода, напр. *aci* винит.-творит. отъ *acs*, глазъ, такъ и *abi rūki* винит. творительный дв. ч.

Но разница между разсматриваемыми формами мужскаго и женскаго рода состоятъ въ томъ, что винительные падежи мужскаго рода на — і гораздо чаще встрѣчаются, чѣмъ имен.-винительные женскаго рода на — і. Какъ часто употребляются винительные падежи муж. рода на — і въ народной рѣчи, въ томъ можетъ убѣдиться каждый, кто имѣетъ случай прислушиваться къ разговору простолюдина; о томъ свидѣтельствуютъ изданія народныхъ сказокъ, пѣсень и загадокъ. Удивительно, что латышскіе грамматики обходятъ молчаніемъ столь часто встрѣчающіяся і-формы. Чтобы показать большое распространеніе этихъ і-формъ отъ словъ мужскаго рода, приведемъ нѣсколько народныхъ пѣсень съ ихъ вариантами.

Въ 1329-ой народной пѣсенкѣ изданія Барона и Виссендорфа читаемъ въ 6 вариантахъ *trīs zīrgus jūdzu (zērgus)* а въ 5 вариантахъ *trīs zīrgi jūdzu (zērgi)*, я запрягла трехъ лошадей, и въ 3756-ой народной пѣсенкѣ находимъ въ 4 вариантахъ *dūšu divi* (или *divus*) *vecus kažūciņus* и въ 3 вариантахъ *dūšu divi*

1) По синтаксису латышскаго языка *klēiti* можетъ быть и именительный падежъ множественнаго или, лучше сказать, двойственнаго числа отъ имени сущ. женск. рода *klēite*, такъ какъ въ латышскомъ языкѣ довольно часто находимъ приложеніе вмѣсто родительнаго раздѣлительнаго, напр. *Iāudis* (вм. *Iāuzu*) *sanāca pilna istaba*, народу набралась полная изба; *sajāj tāutas* (вм. *tāutu*) *pilna sēta Jelg. Rakstu krājums I, 127*, гостей наѣхало полный дворъ; *divi sauņas nātres* (вм. *nātru*) *liku Ltd. 3448*, я положилъ двѣ горсти крапивы. Ср. Paul, *Principien der Sprachgeschichte* 129 и мой *Teikums, Rīgā, 1898*, стр. 54.

vesi kažīcīni, я дамъ двѣ старыя шубы. Какъ употребителенъ винительный пад. на—і отъ словъ мужскаго рода послѣ предлоговъ, въ этомъ отношеніи весьма поучительна слѣдующая загадка, помѣщенная въ РК. VII, стр. 43 *ar divi zirni visu lauku aršej* (Нидер-Бартау), двумя горошинами засѣиваютъ все поле; варианты: *ar divi abūli* (Лубань), двумя яблоками, *ar divi zirniši* (Ранкенъ), двумя горошинами, *ar divi rūgi*, (Ранкенъ), двумя пурами, *ar divi sēcīni* (Крейцбургъ), двумя мѣрками. Изъ 6 вариантовъ одной и той же загадки, записанной въ разныхъ мѣстностяхъ, 5 вариантовъ представляютъ форму на — і.

Что винительный падежъ на — і отъ словъ мужскаго рода употребляется гораздо чаще, чѣмъ отъ словъ женскаго рода, это доказывается какъ нельзя лучше такими примѣрами, въ которыхъ рядомъ съ винительнымъ пад. мужскаго рода на—і находится правильный винительный падежъ на — as — es — is отъ словъ женскаго рода, напр. *auklé māte pēci dēli*, *auklé pēci cīrva pēši*; *auklé māte pēcas méitas*, *auklé pēci mīli vārdi* BV. 1959 (вариантъ *pēcas vēglas dēnas* вм. *pēci mīli vārdi*), убаюкиваетъ мать пять сыновей, убаюкиваетъ пять топорщій; убаюкиваетъ мать пять дочерей, убаюкиваетъ пять милыхъ словъ (вар. пять легкихъ дней). Изъ пяти въ разныхъ мѣстностяхъ записанныхъ вариантовъ ни въ одномъ не встрѣчается винительный падежъ женскаго рода на — і, но не менѣе какъ въ трехъ вариантахъ находимъ такой винительный падежъ мужскаго рода.

Изложивъ данныя языка, приступимъ къ разрѣшенію вопроса о томъ, что это собственно за форма—этотъ винительный на—і отъ словъ мужскаго рода. Винительнымъ падежомъ множественнаго числа онъ по формѣ быть не можетъ. Что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ двойственнымъ числомъ, это явствуетъ изъ того, что рассматриваемый нами винительный пад. на — і употребляется исключительно лишь въ связи съ числительными, а ни въ коемъ случаѣ безъ нихъ: *es redzēju četri vīri*, (а—основа) *trīs brālī* (ја-основ.) *divi krūgi* (u—осн.), я видѣлъ четырехъ

мужчинъ, трехъ братьевъ, двѣ корчмы, а никогда: *es redzēju labi* (хорошій) *vīri*, *labi brāli*, *labi krūgi*, но всегда: *es redzēju labus vīrus*, *labus brālus*, *labus krūgus*. Но законной формой дв. числа отъ основъ на —а, —ја, —и этотъ винительный падежъ также быть не можетъ; ср. лит. вин. пад. дв. ч. *butù*, *gaidžù*, *dangù*. Слѣдовательно, окончаніе —і можетъ быть только заимствовано отъ такихъ основъ, гдѣ оно обусловлено звуковыми законами. Спрашивается теперь только, отъ какихъ основъ? Можетъ быть, отъ основъ на —ā, какъ я предполагалъ въ журналѣ *Austrums* X, 60. Однакожъ это предположеніе встрѣчаетъ два сильныя препятствія: во-первыхъ, играетъ въ латышскомъ языкѣ преобладающую роль не женскій, а мужескій родъ; во-вторыхъ, винительные падежи на —і отъ словъ мужескаго рода употребляются гораздо чаще, чѣмъ отъ словъ женскаго рода. Вѣроятно ли то, что при такихъ данныхъ языка мужескій родъ заимствовалъ свое окончаніе винительнаго падежа дв. числа отъ словъ женскаго рода?

Содѣйствіе основъ на —ā при развитіи винительнаго падежа на —і отъ словъ мужескаго рода можно отстаивать слѣдующимъ образомъ: въ латышскомъ языкѣ есть нѣсколько существительныхъ на —а (основа на —ā) общаго рода, напр. *slepkaва*, *убійца*, *pejēга*, *дурень*, *пергаša*, *невѣжда* и др. Когда эти существительныя обозначаютъ лица мужескаго пола, то они въ дательномъ падежѣ единственнаго числа всегда заимствуютъ окончаніе —am отъ основъ на —а, напр. *slepkaвам*, *pejēгам*, *пергаšам*, а часто и во всѣхъ падежахъ множественнаго числа, напр. имен. мн. ч. *пергаši*, дат. *пергаšēm* и т. д. Ср. *Sterste Latvēšu valūdas mācība* II, 11. Въ нѣкоторыхъ говорахъ, напр. въ Кандавской волости, эти существительныя принимаютъ даже въ именительномъ падежѣ единственнаго числа окончаніе —s, примѣту мужескаго рода. Въ виду такого смѣшенія падежныхъ окончаній, можно было бы допустить, что имен.-винительный падежъ такихъ существительныхъ, какъ: *divi slepkavi*, *divi пергаši*, могли способствовать развитію такихъ винительныхъ какъ: *divi vīri*, *divi пе-*

lėši, два негодяя. Но чтобы эти существительныя общаго рода не только способствовали, но и вызвали интересующій насъ винительный падежъ отъ словъ мужескаго рода, съ тѣмъ едва ли можно согласиться. Обширное распространение извѣстныхъ винительныхъ падежей предполагаетъ и болѣе обширную исходную точку. Поэтому мы должны принять во вниманіе другія основы и изслѣдовать, не скрывается ли въ нихъ источникъ разсматриваемаго явленія латышскаго языка.

Изъ всѣхъ существительныхъ мужескаго рода только основы на —і имѣли въ индоевропейскомъ праязыкѣ въ имен.-винительномъ пад. дв. числа окончаніе — і, напр. дрсл. пати, абесміюск. аѣи. Ср. Brugmann, Grundris II, 644. Въ литовскомъ языкѣ, правда, и эти существительныя мужескаго рода не имѣютъ болѣе окончанія—і, но окончаніе—іu по образцу основъ на—ја, напр. именит.-винительн. дв. ч. vagiù, воръ, отъ имен. ед. ч. vagis. Однакожъ ничто насъ не заставляетъ считать эту литовскую форму литовско-латышскою; она могла появиться въ періодъ самостоятельнаго историческаго развитія литовскаго языка.

Это предположеніе не соглашается съ объясненіемъ I. Шмидта (Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra 252) о замѣнѣ средняго рода женскимъ въ литовскихъ словахъ akis, глазъ, ausis, ухо. Эти слова (ср. Mahlow, die langen Vocale 102; Brugmann, Grundriss II, 263; Беличъ, Извѣст. Отд. русск. яз. Имп. Акад. Наукъ IV, 1168) приняли, по мнѣнію Шмидта, при переходѣ въ і—основы, не мужескій, а женскій родъ по той причинѣ, что і—основы мужескаго рода образуютъ имен.-винительный пад. дв. числа по образцу ја — основъ genczù (gentis), между тѣмъ какъ только двойственное число женскаго рода, какъ напр. nakti, санскр. nakti, совпало въ окончаніи съ akì=дринд. akši. Если бы въ самомъ дѣлѣ при объясненіи женскаго рода въ литовскихъ существительныхъ akis, ausis было необходимо предположеніе имен.-винительнаго на — іu отъ і — основъ мужескаго рода, то мы должны были бы отказаться искать въ і — основахъ колыбель латышскаго винительнаго падежа на —і отъ

основъ на—а,—ја,—и; ибо переходъ средняго рода *aki*, *ausi* въ женскій родъ *akis*, *ausis* совершился уже въ обще-балтійскомъ языкѣ, что доказывается латышскими существительными *acs*, *áuss*, прусскими *vissas ackis*, винит. *ackins*, *ausins*; слѣдовательно, присоединяясь къ взгляду I. Шмидта о причинѣ замѣны средняго рода женскимъ, мы принуждены были бы предположить дѣйствіе той же причины при переходѣ средняго рода въ женскій въ латышскихъ существительныхъ *acs* и *auss* и, стало быть, считать имен.-винительный пад. дв. числа на—*iū* отъ *i*—основъ мужскаго рода обще-балтійскимъ достояніемъ. Однакожь что о необходимости такого предположенія и рѣчи не можетъ быть, доказывается латинскимъ словомъ *auris*, съ женскимъ родомъ котораго мы должны справиться во всякомъ случаѣ безъ помощи подобнаго двойственнаго числа, какъ лит. *gencžū*.

Судя по перевѣсу женскаго рода въ основахъ на—*i* въ славянскомъ, литовскомъ и латышскомъ языкахъ (ср. Brugmann Grundriss II, 266), мы должны заключить, что бѣльшая часть существительныхъ отъ основъ на—*i* были уже въ балтійско-славянскомъ языкѣ женскаго рода. Поэтому, уже благодаря одной своей принадлежности къ *i*—основамъ *akis*, *ausis*, лат. *acs*, *áuss* склонялись болѣе къ женскому, чѣмъ къ мужескому роду. Но сверхъ того *akis*, *ausis*, лат. *acs*, *áuss*, какъ обозначенія части лица, могли легко приравняться къ *nōsis*, лат. *nāsis* (pl. tant), ноздри.

Итакъ непреодолимыхъ затрудненій не встрѣчаетъ со стороны лит. дв. числа *gencžū* предположеніе, что имен.-винительный пад. двойственнаго числа мужскаго рода отъ основъ на—*i* въ латышскомъ языкѣ не слѣдовалъ, какъ въ литовскомъ языкѣ, аналогіи основъ на—*ja*, но сохраняя свое первоначальное окончаніе на—*i*, служилъ источникомъ разсматриваемыхъ нами винительныхъ пад. двойственнаго числа мужскаго рода (*žirgi*), вслѣдствіе перенесенія окончанія двойственнаго числа *i*—основъ на другія основы мужскаго рода.

Но намъ остается еще указать на одну трудность, которая

заключается въ судьбѣ *i*—основъ въ латышскомъ языкѣ. Между всѣми существительными отъ основъ на — *i* существуетъ лишь одно существительное мужескаго рода, именно *Jáudis*, люди, а остальные всѣ женскаго рода. Вслѣдствіе звуковаго совпаденія окончаній винит.-творительнаго и мѣстнаго пад. ед. числа и родительнаго множественнаго числа нѣкоторыя существительныя отъ основъ на — *i* перешли въ основы на — *ja* и получили такимъ путемъ мужескій родъ; напр. *vīlnis*, волна (*ja* — осн.) лит. *vīlnis* (*i*—осн.), *tāsis* (*ja* — осн.), березовая кора, лит. *tószis* (*i* — осн.) *ūsis*, ясень (*ja*—осн.), лит. *ūsis* (*i*—осн.) *zviņi*, чешуя (*ja* — осн.) лит. *žvūnis* (*i*—осн.), другія въ основы на — *ē*, напр. *ūdze*, ужъ, лит. *angis*, *ūgle*, уголь, лит. *anglis*, *sakne*, корень, лит. *szaknis*. Принимая во вниманіе, что въ латышскомъ языкѣ границы между основъ на — *ē* и на — *ā* до значительной степени стерлись (ср. Bielenstein, Lett. Spr. II. 42; Leskien, Die Bildung der Nomina 264), мы не будемъ удивляться, что исконныя основы на — *i* въ латышскомъ языкѣ являются теперь основами на — *ā*, напр. *kūda*, моль, лит. *kandis*, *grīda*, полъ, лит. *grindis*, ср. впрочемъ родит. пад. мн. ч. *grindū*, Brückner Archiv f. slav. Philol. III, 247. Приведенные примѣры обще-латышскіе. Въ нихъ сказывается обще-латышская склонность *i*—основъ поддаваться вліянію другихъ основъ. Въ нѣкоторыхъ говорахъ, въ особенности въ сѣверо-западной Курляндіи, это вліяніе повлекло за собою совершенную утрату основъ на — *i*. Ср. Bielenstein Lett. Spr. II, 48. Въ виду того всякому покажется на первый взглядъ совсѣмъ невѣроятнымъ предположеніе, что эти на исчезновеніе обреченныя *i*—основы все-таки имѣли на столько жизненной силы, чтобы сообщить свое окончаніе имен.-винительнаго пад. дв. числа — *i* другимъ основамъ мужескаго рода. Однакожъ невѣроятность этого предположенія исчезнетъ до нѣкоторой степени, если немного глубже вникнемъ въ жизнь основъ на — *i*.

Если сравнить лит. *baĩsas*, голосъ (*a*—осн.) съ латыш. *bāss* род. *balss* (*i*—осн.), рядомъ съ которымъ въ латышскомъ языкѣ существуетъ *balss*, род. *balsa* (*a* — осн.), если даже въ заимство-

ванныхъ словахъ *krīts*, *mĕlĕ*, *dĕnasts*, служба, *kurts*, гончая, *i*—основы являются рядомъ съ *a*—основами (ср. Brückner, Archiv f. slav. philol. III, 251) то это указываетъ на то, что раньше въ латышскомъ языкѣ *i*—основы имѣли бѣльшее распространѣнiе, такъ что онѣ могли съ успѣхомъ состязаться съ *a*—основами. Но убѣдительнѣе, чѣмъ такими отдѣльными словами, доказывается прежняя жизненная сила *i*—основъ дательнымъ падежомъ множественнаго числа на —*im* отъ основъ на —*a*, —*ja*, —*u*: *vĭrim* вм. *vĭĕm*, *skarim* вм. *skarjĕm*, *krūgim* вм. *krūgĕm*.

Окончанiе —*im* вмѣсто —*ĕm* встрѣчается въ сѣверо-западной Курляндiи, въ сѣверо-западной Лифляндiи, также въ такъ называемомъ верхне-латышскомъ языкѣ. Если провести прямую линiю отъ Адiамюнде до Валка, то сѣверная часть отъ этой линiи составитъ область распространѣнiя —*im* въ Лифляндiи, если же провести такую же линiю отъ Сакенгаузена чрезъ Газенпотъ, Гольдингенъ, Цабельнъ и Тальсенъ до Ангерна, то получится граница Курляндской области окончанiя на —*im*. Это —*im* въ сѣверо-западной Лифляндiи и Курляндiи вездѣ краткое. Биленштейнъ (Lett. Spr. I, 98 die Grenzen des lettischen Volkstammes 399) пишетъ ошибочно *krūmim* съ долгимъ *i*; эта ошибка тѣмъ страннѣе, что Биленштейнъ находитъ долготу въ окончанiи —*im* въ такихъ говорахъ, въ которыхъ долготы въ окончанiяхъ болѣе вовсе нѣтъ, какъ напр. въ Дондангенѣ, Угаленѣ, Шлекѣ, Сарнашенѣ. Этотъ ошибочный взглядъ на окончанiе —*im* раздѣляетъ отчасти и Беценбергеръ, Lett. Dialect-Studien 128. Только въ верхне-латышскомъ говорѣ употребляется —*im* рядомъ съ —*im*, ср. BV. *pĕlikums* 791, 890, 2462 и *Bezzenberger*, Lett. Dialekt-Studien 128. Какъ въ верхне-латышскомъ говорѣ чередуется —*im* съ —*im* (=ĕm), такъ и въ буртнекомъ, вольмарскомъ, венденскомъ, адзельскомъ, пальцмарскомъ говорахъ —*im* съ —*ĕm*. Въ большинствѣ говоровъ окончанiе —*ĕm* сопровождается долготою въ окончанiи дательнаго падежа множественнаго числа отъ другихъ основъ, напр. *vĭĕm*, *meitām*, *zālĕm*, *ragūm*; но въ царниковскомъ, цегенгофскомъ, кольценскомъ,

пабашскомъ, трейденскомъ, кременскомъ, кандавскомъ говорахъ встрѣчаются рядомъ съ окончаніемъ -ēm краткія окончанія въ дательномъ пад. множественнаго числа отъ другихъ основъ: vīgēm рядомъ съ meitām, zālēm.

Такъ какъ въ сѣверо-западной Лифляндіи и Курляндіи краткость наблюдается почти во всѣхъ окончаніяхъ, то само собою разумѣется, что тамъ кратко не только окончаніе -īm, но и окончанія дательнаго падежа мн. числа и отъ другихъ основъ: vīgīm, meitām, zālēm. Но въ буртнекскомъ, вольмарскомъ, вальга-ленскомъ (близь Цабельна) и верхне-латышскомъ говорахъ соотвѣтствуетъ краткости окончанія -īm (vīgim) долгота въ окончаніяхъ ām и ēm, напр. meitām, zālēm. Въ сасмакенскомъ, калетенскомъ, ангернскомъ и въ нѣкоторыхъ говорахъ Лифляндіи (ср. РК. XIII, 85) сдѣлалось -īm общимъ окончаніемъ дательнаго падежа мн. числа для всѣхъ основъ: vīgīm вм. vīgēm, meitīm вм. meitam, basīm kājīm вм. basām kajām, ragīm вм. ragūm. Въ штокмансгофскомъ, зесвегенскомъ и лаудонскомъ говорахъ напротивъ окончаніе -ēm расширило свои предѣлы на счетъ окончанія -īm, вытѣснивъ послѣднее изъ основъ на — i: acēm вм. acīm, naktēm вм. naktim.

Не вдаваясь въ подробности судьбы окончаній -īm и -ēm, мы изложили лишь столько данныхъ, сколько казалось для нашей цѣли необходимымъ.

Беценбергеръ (Lett. Dialect-Studien 128) высказывается объ упомянутыхъ формахъ дательнаго падежа мн. числа слѣдующимъ образомъ: «Конечно, приведенныя верхне-латышскія формы на -īm произошли изъ -īm = -ēm, но нельзя допустить, чтобы -īm вообще сокращено изъ -īm и чтобы это послѣднее окончаніе возникло непосредственно изъ -ēm, такъ какъ -īm и -īm встрѣчаются въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ какъ звуковое образованіе окончанія -īm изъ -ēm, съ одной стороны, такъ и сокращеніе окончанія -īm въ īm, съ другой стороны, представляется мало вѣроятнымъ. По этому полагаю, что -īm, по скольку оно встрѣчается въ неверхне-латышскихъ мѣстностяхъ, является

промежуточной ступенью между -ём и -ім, принимая, что -ім произошло изъ -ім, точно также, какъ *sirdim* изъ *sirdim*. Такимъ образомъ остается только вопросъ объ отношеніи окончанія -ём къ неверхне-латышскому -ім, но и его легко можно понять. Если принять во вниманіе, что въ первоначальныхъ конечныхъ слогахъ латышскихъ словъ ё переходитъ въ і (ср. *meti*, *vedi*; *metēs*, *vedēs*) и что въ Зесвегенѣ, Пebaльгѣ, Смилтенѣ, Ангернѣ е, стоящее передъ окончаніемъ неопредѣленнаго наклоненія -t, безъ различія происхожденія этого окончанія, произносится, какъ е широкое, согласно съ правилами извѣстныхъ говоровъ, потому что прежняя форма забыта, то становится яснымъ, что -ім согласно съ общимъ направленіемъ латышскаго языка сокращено изъ -ём, послѣ того какъ забыли, что -ём не есть первоначальный конечный слогъ».

Это мнѣніе Беценбергера обставлено весьма не прочными доказательствами. Что касается, во-первыхъ, широкаго е и узкаго е въ существующихъ формахъ неопредѣленнаго наклоненія, то это легко объясняется смѣшеніемъ неопредѣленнаго наклоненія съ супиномъ. Въ однихъ говорахъ Лифляндіи, напр. въ трикатенскомъ, и доселѣ супинъ отличается отъ неопредѣленнаго наклоненія сохраненіемъ окончанія -tu, напр. *es gribu ést*, изъ *ésti*, я хочу ѣсть, *es ёшу ёstu*, я пойду ѣсть, въ другихъ же только своимъ широкимъ е, напр. въ буртнекскомъ говорѣ, *es gribu ést*, изъ *ésti*, но *es ёшу ёst*, изъ *ёstu*, въ третьихъ неопредѣленное наклоненіе вытѣснено супиномъ, напр. во всѣхъ говорахъ сѣверо-западной Курляндіи: *es gribu ést*, *es ёшу ёst*, изъ *ёstu*, наконецъ въ четвертыхъ супинъ замѣненъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, такъ напр. въ митавскомъ, добленскомъ говорахъ: *es gribu ést*, *es ёшу ёst*, изъ *ésti*. Ср. мою статью о супинѣ *Austrums* XI, 29. Вѣрность этого взгляда доказываетъ форма второго лица ед. числа повелительнаго наклоненія. Во многихъ говорахъ рядомъ съ широкимъ е въ неопредѣленномъ наклоненіи встрѣчается узкое е во второмъ лицѣ единственнаго числа повелительнаго наклоненія, напр. въ эдваленскомъ (близь

Гольдингена) неопредѣленное наклоненіе *ést*, но II лицо ед. ч. пов. наклоненія *eid ni eid, jem, les*; это совершенно противорѣчитъ тому, что Беценбергеръ утверждаетъ о произношеніи е согласно съ мнѣмыми правилами говоробъ. Правда, въ нѣкоторыхъ говорахъ является и въ повелительномъ наклоненіи широкое *e*, но оно встрѣчается тамъ, гдѣ, какъ напр. сѣверо-западной Курляндіи, третье лицо замѣняетъ собою всѣ другія лица, и гдѣ вокализмъ третьяго лица проведенъ и въ повелительномъ наклоненіи, напр. *éd, кушай*, потому что III лицо *viš ed*, онъ кушаетъ, но *séid, сиди*, потому что III лицо *viš seid* (въ Феликсбергѣ), *séš, сиди* и онъ сидитъ (въ Кандавѣ), такъ и *plésš* III лицо и повелит. наклонен. Изъ сказаннаго видно, что о забывчивости языка при неопредѣленномъ наклоненіи говорить нечего. Во-вторыхъ, указаніе Беценбергера на *meti, vedi: metēs, vedēs* говоритъ не въ пользу сокращенія *-im* изъ *-ēm*, но противъ него, такъ какъ, намъ по крайней мѣрѣ, остается совсѣмъ непонятнымъ, почему забывчивость языка ограничивается лишь окончаніемъ *-ēm*, а не простирается также на *-ēs*, вслѣдствіе чего должны были бы появиться формы *metis, vedis*, вмѣсто фактически существующихъ формъ *metēs, vedēs*. Но совершенно опровергается толкованіе Беценбергера тѣми говорами, въ которыхъ одновременно существуетъ долгота въ дат. падежѣ мн. числа отъ основъ на *-ā, -ē* (*meitām, zálezem*) и краткость дательнаго падежа мн. числа *vīgim, skapim, krūgim*. Если признать, что въ послѣднихъ примѣрахъ *-ēm* сокращено въ *-im*, то тѣмъ скорѣе можно было бы ожидать, что *-ām, -ēm* сократятся въ *-am, -em*, на что указываютъ тѣ говоры, въ которыхъ рядомъ съ *-ēm* встрѣчаются *-ām, -ēm*: *vīgēm, méitām, zálezem*¹⁾. Какъ при объясненіи вышеупомянутыхъ діалектическихъ дательныхъ *naktēm, kājim* никто не прибѣгнетъ къ звуковымъ

1) Даже въ діалектическихъ формахъ *meitām, zálezem* краткость окончаній *-am, -em* не слѣдуетъ, на нашъ взглядъ, объяснить путемъ фонетическимъ, а морфологическимъ, т. е. *ā*—и *ē*—основы заимствовали краткость въ окончаніи дат. пад. мн. ч. отъ *i*—основъ; по аналогіи *naktim* возникли формы *meitām, zálezem*.

законамъ, а всякій будетъ увѣренъ въ томъ, что мы въ первомъ случаѣ имѣемъ дѣло съ перенесеніемъ окончанія -ēm на i—основы, а во второмъ съ такимъ же перенесеніемъ окончанія -īm на -ā основы, такъ и мы должны, оставляя всѣ звуковые законы въ сторонѣ, искать въ дательныхъ мн. числа vīgim, skapim, krūgim окончаніе i-основъ, перешедшее на а-, ја-, и—основы.

Когда въ латышскомъ языкѣ дательный пад. ед. числа vīgam совпалъ съ дательнымъ пад. мн. числа *vīgam (ср. Brückner, Archiv f. slav. Philol. III, 363), то для устранения этого неудобства представились два пути: 1) заимствованіе окончанія дательнаго падежа мн. числа -ēm отъ мѣстоименнаго склоненія (vīgēm), 2) перенесеніе окончанія дательнаго пад. мн. числа -īm отъ i—основъ на а- и также на ја- и и—основы (vīgim, skapim, krūgim). Языкъ выбралъ эти возможные пути такъ, что одни говоры предпочли первый, а другіе второй, раздвигая въ послѣднемъ случаѣ еще больше уже въ славяно-балтійскую эпоху начавшееся расширение предѣловъ i—основъ въ дательномъ падежѣ мн. числа; ср. лит. szun-i-mus, akmen-i-mus, moter-i-mus, dant-i-ms, debes-i-ms, дрслв. камен-ь-мъ, матер-ь-мъ, телат-ь-мъ, словес-ь-мъ, Brugmann, Grundriss II. 713, 714. И такъ, что касается хронологіи перенесенія окончаній -īm и -ēm, старшинство нельзя признать ни за первымъ съ Биленштейномъ (Lett. Spr. II, 34), ни за послѣднимъ съ Брюкнеромъ (Archiv f. slav. Philol. III, 304) и Беценбергеромъ (Lett. Dialect-Stud. 129).

Принимая во вниманіе тѣ говоры, въ которыхъ въ дательномъ пад. мн. числа отъ i—основъ является -īm или -īm вмѣсто законнаго -im (напр. въ буртнекскомъ говорѣ visām kūtīm рядомъ съ vīgim) одновременно съ -im въ томъ же падежѣ отъ основъ на -а, -ја, —и: vīgim, skapim, krūgim, рядомъ съ naktīm, kūtīm, мы должны предположить слѣдующій путь развитія: Въ ту болѣе древнюю эпоху, когда между именами существительными отъ i—основъ, кромѣ kaudis, были еще другія, хотя не-

многія существительныя мужескаго рода, что облегчило перенесеніе окончанія -im отъ *i* — основъ на *a*-, *ja*-, и — основы, *i* въ дательномъ падежѣ мн. числа (*kūtim* хлѣвамъ) было еще краткое, какъ и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ говорахъ, напр. въ венденскомъ, зербенскомъ *visām kūtim*, ср. *Bielenstein Lett. Spr.* II, 32; но въ болѣе позднее время мужескій родъ все болѣе и болѣе уступалъ въ *i*—основахъ женскому роду и дательный падежъ мн. числа *kūtim* заимствовалъ въ большинствѣ говоромъ долготу отъ *ā*- и *ē*- основъ¹⁾: *visām kūtim* (ср. *Brückner, Archiv f. slav. Philol.* III. 303), а дательный падежъ мн. числа отъ основъ на -*a*-, -*ja*-, -*u*: *virim*, *skapim*, *krūgim*, благодаря мужескому роду и принадлежности къ другому склоненію этихъ основъ, не участвовалъ въ этой долготѣ.

Интересна судьба единственнаго слова мужескаго рода отъ *i*- основъ въ отдѣльныхъ говорахъ. Во многихъ мѣстностяхъ дательный падежъ мн. числа отъ основъ на -*i* имѣетъ одинаковую форму въ мужескомъ и женскомъ родѣ: *ĭaudim*, *naktim*, такъ напр. въ Зербенѣ, *ĭaudim*, *naktim* отъ Митавы до Гольдингена и Руцавы и во многихъ мѣстностяхъ Лифляндіи: но во многихъ мѣстностяхъ, въ особенности въ тѣхъ, гдѣ *i* — основы женскаго рода перешли въ *ē* или *ā* — основы²⁾, *ĭaudis* принимаетъ въ дательномъ падежѣ мн. ч. мѣстоименное окончаніе -*ēm*, приравнясь къ другимъ дательнымъ падежамъ мужескаго рода, напр. въ Вольмарѣ *ĭaudēm* рядомъ съ *gūvēm*, коловамъ, *zūšēm*, гусямъ, въ Кандавѣ *ĭaudēm* или *ĭaužēm* рядомъ

1) По всей вѣроятности и въ дательныхъ *ragūm*, *pelūm*, *dzirnūm* долготы окончанія не первоначальная, какъ I. Шмидтъ (*Zur Gesch. des indogerm. Voc.* II. 203, *Pluralbildungen d. indogerm. Neutra* 68) и Лескинъ (*Bildungen d. Nomina* 244) полагаютъ, но заимствованная отъ *ā*-, *ē*- основъ, на что указываетъ то обстоятельство, что въ рѣдкихъ мѣстностяхъ, напр. въ Розенбекѣ, въ Лифляндіи, встрѣчаются *ragūm*, *dzirnūm*, рядомъ съ долготою дат. пад. мн. числа словъ отъ другихъ основъ. Ср. *Endzelin, Bezz. Beiträge* XXV, 276.

2) Переходъ въ *a*- основы по всей вѣроятности вызванъ родительнымъ падежомъ мн. ч. первоначально согласныхъ основъ: род. мн. ч. *zūsu*, *zūsam*, ср. вирбенскіе (близъ Цабельна), дательн. *acēm*, *ausēm* рядомъ съ *zūsam*; также въ Вальгаленѣ *acēm* рядомъ съ *zūsam*.

съ *zūsām, gūvām, naktām*. Одинъ шагъ дальше шли штокмангофскій, зесвегенскій и лаудонскій говоры; въ нихъ новообразованіе *laudēm* повлекло за собою и основы женскаго рода: *пактѣм, асѣм*, хотя въ этихъ мѣстностяхъ женскій родъ никогда не уступаетъ мужескому. Наоборотъ же, примѣру *ē*-основъ слѣдуетъ дат. пад. мн. числа отъ *laudis* во многихъ мѣстностяхъ сѣверо-западной Курляндіи, такъ напр. въ Пильтенѣ, Зиргенѣ, Вензавѣ *laudēm*, точно такъ же, какъ *dūrēm*, дверямъ, рядомъ съ *ratim* (а — осн.), *meitam* (ā — осн.); и это новообразование *laudēm* повліяло съ своей стороны на а-основы въ Зурсѣ, Попенѣ, Ангермюнде, Анценѣ Дондангенѣ: *virēm, ratēm, skarēm*, какъ *laudēm*. Это -em расширило еще больше свои предѣлы въ Ногаленѣ и Вандзенѣ, дѣлаясь общимъ окончаніемъ дательнаго пад. мн. числа для всѣхъ основъ: *laudēm, zivēm, рыбамъ* (первоначальное *i* — осн.), *galem*, концамъ (а — осн.), *skarēm* (ja — осн.), *gūkem* (ā — осн.), *gagem*, санямъ (первонач. *u* — осн.). Такъ какъ въ Зурсѣ, Попенѣ, Ангермюнде, Анценѣ, Дондангенѣ встрѣчается на мѣстѣ *ē* и въ другихъ формахъ, напр. въ неопредѣленномъ склоненіи *celtēs* вм. *celtēs*, вставать, въ повелительномъ накл. *celes* вм. *celēs*, встань, то мы легко могли бы соблазниться *ratēm, virēm* объяснить на основаніи звуковыхъ законовъ; но въ виду того, что въ Ногаленѣ и Вандзенѣ рядомъ съ дательными падежами *galem, skarēm* стоятъ *celtēs, celēs, es celsēs*, я вставу, мы принуждены принять, что рассматриваемые дательные падежи на -em, -em возникли не путемъ фонетическимъ, а морфологическимъ. Нерѣдко оказываются явленія языка, по видимому фонетическія, морфологическими, когда намъ становятся извѣстны промежуточные ступени или члены въ развитіи данныхъ формъ.

Не безъ интереса прослѣдить постепенное расширеніе предѣловъ *ē*-основъ съ запада къ востоку въ сѣверной Курляндіи: въ Пильтенѣ *dūrēm, laudēm*, но тамъ же еще *ratim, meitam*, въ Попенѣ, Ангермюнде, Анценѣ *dūrēm, laudēm* и уже также *ratēm, skarēm*, но еще *meitam*; наконецъ въ Ногаленѣ и Вандзенѣ

полнѣйшая побѣда ē- основъ: асем, laudem, ratem, rokem, ragem.

Въ Дондангенѣ дательный падежъ мн. числа отъ основъ на -ā оканчивается на -am; но Беценбергеръ (Lett. Dialect-Stud. 111) приводитъ изъ этого говора одну форму на -em, именно арšem и полагаетъ, что е въ окончаніи -em обязано своимъ происхожденіемъ мѣстному пад. ед. числа аракše. Но это предположеніе Беценбергера оказывается неудовлетворительнымъ, если принять во вниманіе не только Дондангенскій, но и другіе говоры. Въ Ногаленѣ и Вандзенѣ рядомъ съ дательнымъ пад. мн. числа на -em для всѣхъ основъ, мы, правда, находимъ и въ мѣстномъ пад. ед. числа окончаніе -e отъ всѣхъ основъ: gâlde, plâve, pírte, mede, но въ мѣстномъ падежѣ мн. числа -ūs отъ всѣхъ основъ: ganūs, visūs mājūs, gūvūs, zūsūs, abūs áusūs, abūs acūs¹⁾. Въ виду того, что въ Ногаленѣ и Вандзенѣ окончаніе мѣстнаго падежа мн. числа, не приравнивается къ окончанію мѣстнаго падежа ед. числа, о приравненіи дательнаго мн. числа къ мѣстному падежу ед. числа и рѣчи не можетъ быть. Если же мы при объясненіи ногаленскаго и вандзенскаго окончанія дат. пад. мн. ч. на -em должны обойтись безъ помощи мѣстнаго пад., то мы и принуждены отказаться отъ такой помощи при объясненіи Дондангенскаго дательнаго падежа арšem. Какъ окончаніе -šana въ Дондангенѣ переходитъ въ -šen, напр. gārdsen²⁾, забота такъ и въ арšem е объясняется сосѣдствомъ шипящей согласной š. Будь въ Дондангенѣ больше дательныхъ мн. ч. на -em отъ ā — основъ, то мы могли бы въ этихъ -em формахъ видѣть попытку дондангенскаго говора перенести окончаніе ē — основъ на всѣ другіе дательные падежи мн. числа; ибо обобщеніе той или другой формы не совершается разомъ, не оставляя никакихъ остатковъ прежней жизни языка, но медленно, мало по малу вытѣсняя прежнія законныя формы. Въ этомъ отношеніи весьма

1) Въ Дондангенѣ мѣстн. пад. мн. ч.: ganeš, višes māješ, gūveš, abeš aceš.

2) Въ дондангенскомъ текстѣ у Беценбергера (Lett. Dialekt-Stud. 57) ошибочно написано gārđšan.

поучителенъ эрваленскій, дондангенскому сосѣдній говоръ; въ Эрваленѣ рядомъ съ обще-принятыми дательными мн. числа на -em, какъ то: vīem, abem, skapem, laudem, gūjem, meitem, ūgem sovem, vāldem, своею рѣчью, все-таки еще встрѣчаются остатки окончанія -am отъ -ā основъ: beigam, tēm mājam.

Латышскіе говоры любятъ устранять разнообразіе формъ обобщеніемъ одной формы. Какъ въ однихъ говорахъ -im, въ другихъ -em или -em и въ третьихъ отчасти -ēm сдѣлалось общимъ окончаніемъ дательнаго падежа мн. числа, такъ въ Лайдзенѣ напр. -it фигурируетъ общимъ окончаніемъ неопредѣленнаго склоненія вмѣсто -āt, -ét, -ít, -ūt, (-út), напр. runit вм. runát, говорить, dzirdit вм. dzirdét, sacit вм. sacít, сказать, melit вм. melūt, лгать, dabit вм. dabút, добыть, въ Липстгузенѣ же -et, напр. runet, dzirdet, sacet, melet, dabet.

Наконецъ, что касается верхне-латышскихъ дательныхъ падежей на -im и im отъ основъ на -a, то, по недостатку аналогичныхъ сокращеній, нельзя съ Беценбергеромъ утверждать, что первое сокращено изъ второго. Окончаніе -im и -im на нашъ взглядъ не имѣетъ ничего общаго между собою; -im представляетъ законную форму i — основъ, перенесенную на a — основы, какъ и въ другихъ говорахъ, а -im соотвѣтствуетъ литературному -ēm, такъ какъ въ верхне-латышскомъ говорѣ на мѣстѣ литературнаго ē является i и въ коренныхъ слогахъ и окончаніяхъ. Какъ въ буртненскомъ говорѣ чередуется -im съ -ēm, такъ въ верхне-латышскомъ -im съ -im.

Если намъ въ предыдущемъ удалось доказать, что въ періодъ самостоятельнаго развитія латышскаго языка въ нѣкоторыхъ говорахъ окончаніе -im перенесено отъ i — основъ на a-, ja-, u — основы, то нельзя будетъ отрицать, что окончаніе имен.-винительнаго дв. числа -i отъ i — основъ могло и съ своей стороны содѣйствовать обобщенію этого окончанія для основъ на -a, -ja, -u въ имен.-винительномъ дв. числа.

Но допуская возможность содѣйствія i — основъ при образованіи винительныхъ дв. числа на -i отъ основъ на -a, -ja, -u,

напр. *divi vīri, divi skapī, divi krūgi*, мы ни коимъ образомъ не утверждаемъ, что на основаніи *i* — основъ уже удовлетвори-тельно рѣшенъ нашъ вопросъ, потому что еще не достаточно выяснено болѣе частое употребленіе винительнаго падежа на *-i* отъ словъ мужескаго рода, чѣмъ отъ словъ женскаго рода.

Въ литовскомъ языкѣ имен.-винительный пад. дв. числа отъ *-i* — основъ мужескаго рода, также отъ согласныхъ основъ, представляетъ вмѣсто первоначальныхъ окончаній *-i* и *-e* окончаніе *ja* — основъ: *vag-iù, ākmen-iu, isz-gėru-s-iu* вм. **vag-i, *akmen-i*; діал. *isz-gėruse*; ср. I. Schmidt, Kuhn Zeitschr. XXVI, 360; Brugmann, Grundriss II, 645.

Такому переходу въ *ja* — склоненіе, на нашъ взглядъ, не мало способствовала аттракція формы числительнаго *dù*. Въ латышскомъ языкѣ безъ сомнѣнія слѣдуетъ предполагать форму имен.-винительнаго мужескаго рода **dūvu* = дрслв. дѣва, дринд. *dūvāi*, на что указываетъ *divi*, изъ **dūvi*, (какъ *zīvs*, изъ *zuvs*, рыба) = дрслв. дѣвѣ, дринд. *dūvé*.

Спрашивается, какимъ путемъ въ латышскомъ языкѣ предполагаемая форма **dūvu*, вытѣснена теперь господствующею формою *divi*. Разрѣшеніемъ этого вопроса будетъ и найденъ истинный источникъ винительныхъ на *i* — отъ *ja* — а *u(y)* — основъ: *divi vīri, divi skapī, divi krūgi*. Разрѣшеніе этого вопроса не сопряжено ни съ какими затрудненіями.

На основаніи звуковыхъ законовъ въ латышскомъ языкѣ слились въ одну форму: 1) имен.-винительный пад. дв. числа женскаго рода: *divi rūki*, изъ **divē, *dūvē rūkē*, индоевр. — **ai*, *divi nakti* изъ **divē nakti*; 2) именит.-винительный пад. дв. числа средняго рода: *divi simti* изъ **divē, *dūvē simtē*, индоевр. *ducoi kntoi* и 3) именительный падежъ мн. числа мужескаго рода: *vīri* изъ **vīgē*, индоевр. **vīgoi*.

Слѣдовательно, какъ древне-индійское *dūvé*, древне-славянское дѣвѣ, такъ и латышское *divi* представляютъ не только исконный имен.-винительный пад. дв. числа женскаго рода, но и тотъ же падежъ средняго рода. Ср. Bezzenberger Mag. XVI, 73.

Если на дѣло такъ смотрѣть, то намъ придется въ такихъ винительныхъ какъ, *divi simti*, *divi ezeri* (ср. прусск. *assaran*, озеро) *divi luki* (ср. прусск. *lunkan*, лыко) и т. д. видѣть законныя винительныя пад. дв. числа средняго рода и признать старшинство за латышскимъ *divi simti* = дрслав. дѣвѣ съгѣ, дринд. *dvé šaté*, индоевр. **ducoj k̄mtoj*, въ сравненіи съ литовскимъ новообразованіемъ *dù szimtù*, напр. *es bij puišu brākétája, gāju puišus brākédama; divi simti izbrākėju, trešū simtu ėbrākėju*. ВV. 473, я забракковала жениховъ, ходила перебирать жениховъ; забракковала двѣ сотни, а третью сотню начала перебирать.

Если звуковымъ совпадениемъ имен.-винительнаго дв. числа женскаго рода съ именительнымъ пад. мн. числа мужскаго рода (*divi rŭkil -abi vīri*) былъ, какъ выше указано, проложенъ путь къ колебанію женскаго рода, то гораздо больше опасности для существованія средняго рода заключалось въ сходствѣ формъ имен.-винительнаго дв. числа средняго съ именительнымъ мн. ч. мужскаго рода, въ виду унаслѣдованнаго изъ обще-индоевроп. тождества окончаній въ другихъ падежахъ средняго и мужскаго рода (*divi simti—labi vīri*). Въ латышскомъ языкѣ случилось въ самомъ дѣлѣ то, что Маловъ (*Die langen Vocale* 98) и I. Шмидтъ (*Die pluralbildungen der indogerm. Neutra* 6) предполагаютъ относительно латинскаго *ducenti*. Ср. Brugmann, *Grundriss* II, 504. При паденіи сознательнаго употребленія двойственнаго числа начали разсматривать имен.-винительный пад. дв. числа средняго рода (*divi simti*) какъ именительный пад. мн. числа мужскаго рода и отъ этого мнимаго именительнаго мн. числа мужскаго рода образовали винительный пад. множественнаго числа *divus simtus*, какъ *labus vīrus*; то же слѣдуетъ сказать о другихъ существительныхъ средняго рода: *divi ezeri*, *divi luki* и др. Однако же такимъ новообразованіямъ какъ *divus simtus*, *divus ezerus*, *divus lukus*, не удалось вытѣснить исконныя винительныя дв. числа средняго рода: *divi simti*, *divi ezeri*, *divi luki*; послѣдніе сохранились доселѣ, какъ свидѣтели о су-

ществованіи средняго рода въ латышскомъ языкѣ, и повлекли даже за собою винительный падежъ дв. числа мужескаго рода: *divi vīri, divi skapi, divi krūgi* (по аналогіи *divi sīmti, divi ezeri*). Ср. мою статью о судьбѣ средняго рода въ латышскомъ языкѣ въ *РК. XIII, 61* и *Indogerm. Forsch. 13, 239*.

Итакъ въ имен.-винительномъ дв. числа средняго рода слѣдуетъ искать источникъ занимающихъ насъ винительныхъ на -ī отъ а-, ja-, и (y) — основъ. На сколько же содѣйствовали развитію и распространенію этихъ винительныхъ общаго рода ā — основы и ī — основы, это трудно сказать.

Въ изданіяхъ латышскихъ народныхъ пѣсенъ, сказокъ и загадокъ встрѣчается въ связи съ числительными иногда форма на -u (y) въ значеніи имен.-винительнаго мн. числа отъ именъ существительныхъ мужескаго и женскаго рода: *trīs sīmtu vīru dancū uz dzēlzu tiltu Bl. 680* (Замитень), триста мужчинъ танцуютъ на желѣзномъ мосту; *pēci sīmtu sīku putnu BV. 2664,5* (Гольдингенъ), пятьсотъ мелкихъ птицъ; *dūdi mau divi māisu āuzu, divi māisu miltu LP. VI, 329* (Ней-Ауцъ), дай мнѣ два мѣшка овса, два мѣшка муки; *izbēra divi sēciūu zirīnu. LP. VI, 665* (Берзонъ), высыпалъ двѣ мѣрки гороху, *div' gadiūu klau-sijūs BV. 535* (Виндава), два года я слушала, *trīs gadiūu tautu dēlis Rīga gūltu kaldināja Mag. VIII, 286* (Кабилень), три года суженый ковалъ въ Ригѣ кровать; *gāuži rāud rāuduvīte, div' bērnīnu vadādama; tā rāud daža mātes mēita, div' mūžiūu dzi-vūdama Ltd. 1379* (Ней-Ауцъ), очень плачетъ уточка, вода двухъ утятъ; такъ плачетъ иная материнская дочь, живя два вѣка; *trīs zirgu brāucu BV. 1329* (Кацдангенъ), я ѣхалъ на трехъ лошадахъ, *ar deviūu baleliūu Mag. VIII, 955* (Гольдингенъ), съ девятью братьями, *paг deviūu nūvadiūu BV. 454* (Паддернъ), за девять волостей, *treju pūru derināja Mag. VIII, 2467* (Руень), я приготовляла тройное приданное; *dēlu māte grū-zijās treju svārku mugurā Mag. VIII, 883* (Гольдингенъ), свекровь вертѣлась въ трехъ платьяхъ, т. е. надѣвшій три платья; *divi nedēlu, vėlāk LP. V, 339* (Жукстъ), черезъ двѣ недѣли;

divi dēnu prēkš kázám LP. VI, 613 (Эрляя), за два дня до свадьбы, sasaklaušu treju dinu BV. 5057 (Витебск. губ.), я слушала три дня; taisi treju nama dūrvu BV. 3724 (Берзонъ), сдѣлай тройныя двери для дома; devis vél septiņu (sc. aitu) klát. LP. VI, 334, (Ней-Ауцъ) прибавилъ еще семь (овецъ); par deviņu vasariņu¹⁾ BV. 2848 (Борисгофъ), черезъ девять лѣтъ; pa trīs nedēlu LP. VI, 924 (Ней-Ауцъ), черезъ три недѣли; BV. 4480,1,2; trīs jūdzu Mag. VIII, 73, три мили.

Спрашивается, что это за *u*-формы. Въ латышскомъ языкѣ соединяется иногда имя числительное съ опредѣляемымъ существительнымъ въ сложное слово и послѣднее въ такомъ случаѣ употребляется въ единственномъ числѣ, напр. Laimiņ man mūžu lēm, trískrēse sēdedam, sēd Laimiņ vēnkrēse BV. 1216 (Дондангенъ), divkrēslinā BV. 1216 (НейбергФридъ, близъ Митавы), Лайма мнѣ опредѣлила мой вѣкъ, сидя на трехъ креслахъ. Нѣкоторыя изъ приведенныхъ формъ на *-u* мы могли бы на основаніи указанныхъ мѣстныхъ падежей объяснить винительными ед. числа отъ словъ, сложныхъ изъ именъ числительныхъ и существительныхъ, напр. divgadiņu, divbērniņu, divmūžiņu, trīsziņu. Но такое толкованіе ни коимъ образомъ не приложимо къ тѣмъ случаямъ, въ которыхъ о сложныхъ словахъ и думать нельзя, напр. divi māisu, par deviņu nūvadiņu, divi dēnu vélāk и др.

Беценбергеръ (Lett. Dialect-Stud. 143) предполагаетъ, что въ divi méit (Адямюнде), двѣ дѣвушки, méit, можетъ считаться родительнымъ мн. числа. Въ примѣрѣ Беценбергера, divi méit, правда, нѣтъ никакой причины, принять отпаденіе окончанія *-u*, такъ какъ divi méit по всей вѣроятности слѣдуетъ признать именит.-винительнымъ пад. дв. числа женскаго рода: divi méiti; однако же объясненіе Беценбергера, можетъ быть, примѣнимо

1) Par deviņi vasariņi, par deviņas vasariņas, весьма любимое обозначеніе времени въ латышскихъ народныхъ пѣсняхъ. Изъ того видно, что латыши раньше считали годы по одному времени года, по лѣту, какъ и славяне. Ср. Schrader, Reallexikon der indogerm. Altertumskunde. 389.

къ приведеннымъ нами примѣрамъ, въ которыхъ окончаніе -и неоспоримо.

Родительный падежъ мн. числа зависитъ въ латышскомъ языкѣ только отъ числительныхъ существительныхъ, напр. *desmit, simts vīru*, десять, сто мужчинъ, а числительныя отъ двухъ до девяти употребляются или въ видѣ прилагательныхъ, согласуясь съ своими существительными въ падежѣ и родѣ, или въ качествѣ несклоняемыхъ словъ, не имѣющихъ на конструкцію никакого вліянія, напр. *es redzēju pēcus* или *pēci vīrus*, я видѣлъ пять мужчинъ. Только въ томъ случаѣ, когда числительныя отъ 2—9 не обозначаютъ извѣстнаго числа, но лишь приблизительный счетъ, родительный падежъ мн. числа является также при этихъ числительныхъ, напр. *zivs véderá dēls ilgaku laiku sadzīvīja, gadu septiņi mazakais LP. V, 273*, въ желудкѣ рыбы сынъ пробылъ долгое время, лѣтъ семь по крайней мѣрѣ; *tur strádaja vīru deviņi*, тамъ работали мужчинъ девять, т. е. около девяти мужчинъ. Ср. Bielenstein, Lettische Grammatik 312. Въ такомъ значеніи имя числительное ставится, какъ и въ славянскихъ языкахъ, позади существительнаго. Возникаютъ здѣсь два вопроса: 1) почему имя числительное какъ въ латышскомъ, такъ и въ славянскихъ языкахъ, поставленное позади имени существительнаго, теряетъ свой опредѣленный смыслъ, замѣняя его болѣе общимъ значеніемъ, и 2) на сколько повліяло это словорасположеніе на появленіе родительнаго падежа мн. числа при числительныхъ 2—9 въ латышскомъ языкѣ.

Ясно безъ сомнѣнія то, что приблизительный счетъ не основывается на случайности, но находится во внутренней связи съ указаннымъ словорасположеніемъ, потому что это явленіе языка встрѣчается и въ славянскихъ, и въ латышскомъ, и въ литовскомъ языкахъ. Въ словорасположеніи (имя существ. + числит.) отражаются психическіе процессы говорящаго. Тѣ представленія, которыя живѣе въ нашемъ сознаніи, проявляются раньше, но тѣ, которыя покоятся глубже въ сознаніи, пробуждаются позже. Если, напр., намъ приходится обозначить возрастъ маль-

чика, и мы въ данный моментъ позабыли точное число лѣтъ, то въ нашемъ сознаниі сперва появляется представленіе о годахъ и только позже забытое число лѣтъ, при чемъ не рѣдко точное число можетъ покоиться такъ глубоко въ нашемъ сознаниі, что мы ни коимъ образомъ не можемъ извлечь его оттуда; въ послѣднемъ случаѣ число, названное нами, не является точнымъ, а только приблизительнымъ. Также если намъ придется по глазомѣру опредѣлить или число предметовъ, или ихъ мѣру или вѣсъ и т. д., то непременно назовемъ сначала названіе предметовъ, мѣры, вѣса, а потомъ лишь трудно опредѣляемое число. Въ этомъ случаѣ, разумѣется, намъ при всемъ стараніи не удастся обозначить искомое число точно, а только приблизительно.

На основаніи сказаннаго, на нашъ взглядъ, легко понять, во-первыхъ, почему имя числительное при извѣстномъ словорасположеніи теряетъ свою точность (ср. мою книжку *Daži jautājumi par latvėšu valūdu* II, 74) и, во-вторыхъ, почему при этомъ словорасположеніи въ латышскомъ языкѣ наблюдается смѣшеніе конструкціи числительныхъ прилагательныхъ съ конструкціей числительныхъ существительныхъ, т. е. почему при тѣхъ и другихъ ставится родительный падежъ мн. числа; ибо при произношеніи лѣтъ, мѣры и т. д. говорящему еще неизвѣстно опредѣленное число; эта неизвѣстность числа нерѣдко выражается интонаціею и приостановкою рѣчи, напр. *viņam ir gadu—deviņi*, ему лѣтъ—девять, или: *viņam ir gadu—tēksim—deviņi*, ему лѣтъ — скажемъ — девять. Что въ такихъ случаяхъ конструкція числительныхъ существительныхъ въ латышскомъ языкѣ примѣнена также къ числительнымъ отъ 2 — 9, тутъ нечего удивляться, если имѣть въ виду, что числительное здѣсь обозначаетъ неопредѣленное число и равняется понятію: нѣсколько.

Однако же при обыкновенномъ словорасположеніи (имя числ. + сущ.) родительный падежъ мн. числа при числительныхъ прилагательныхъ отъ 2—9 остается намъ загадочнымъ.

Но положимъ, что при обыкновенномъ словорасположеніи числительныя прилагательныя отъ 2—9 слѣдовали въ конструкціи аналогіи числительныхъ существительныхъ; положимъ, что по аналогіи *desmit māisu*, начали иногда говорить *divi māisu*¹⁾, но какъ же объяснить такіе примѣры: *ar deviņu bāleliņu, par deviņu pūvadiņu, par deviņu vasariņu*? Откуда зависятъ мнимые родительные падежи *treju, deviņu*? Развѣ можемъ согласиться съ Биленштейномъ, который (*Lett. Spr.* II, 313, 323) въ такихъ примѣрахъ, какъ: *ar deviņu bāleliņu, par deviņu pūvadiņu* видитъ родительные пад. мн. числа? Но предлоги *ar, par* никогда не требуютъ родительнаго падежа. Слѣдовательно *par deviņu pūvadiņu, par deviņu vasariņu* и другія приведенныя и—формы оказываются винительными. Поэтому, если *-u* не принять за гласную, поставленную лишь для риѣмы (ср. I. Zubatý, *die Flickvocale*), остается едва ли что-нибудь другое, какъ считать эти *u*—формы за жалкіе остатки имен.-винительнаго падежа дв. числа муж. рода и принять сверхъ того перенесеніе окончанія мужескаго рода на женскій родъ: *par deviņu vasariņu, pa trīs nedēļu*, хотя, признаться, непонятнымъ остается то, какъ окончаніе дв. числа на *-u* могло не только сохраниться, но и перейти на женскій родъ, послѣ того какъ **abu, *divu*, эти самые важные представители дв. числа, вытѣснены дв. числомъ средняго рода на *-i*: *abi, divi*.

Какъ винительный пад. дв. числа на *-i* употребляется въ значеніи творительнаго въ приведенномъ выше примѣрѣ *abi gūki tauñājami*, такъ и винительный *treju svārku*²⁾ въ народной пѣснѣ *dēlu māte grūzijas treju svārku mugurā* по той же самой, вышеуказанной причинѣ заступаетъ, какъ кажется, мѣсто творительнаго падежа. Довольно странную смѣсь *i* — формы съ *u* — фор-

1) При этомъ не могу не указать на одинъ примѣръ, слышанный мною въ Сорумѣ, въ Лифляндіи, который говоритъ въ пользу предположенія Бенценбергера: *pēc grāmat atnāc's*, пять писемъ пришло.

2) Формы *treju svārku* въ приведенной пѣснѣ, такъ и *treju pūru* (*dērināja Mag. VIII, 2467*) можно объяснить и какъ родительные падежи мн. ч., выражающіе изобиліе; ср. *te ganija treju ganu BV pōlik. 761; treju tāutu sajàjuši, vél deviņu taisjās BV. 5141.*

мой находимъ въ слѣдующей, въ Ней-Гаузенѣ записанной народной пѣснѣ: *es savu pādīti mīlgi didu, abi rūku apkērase BV. 1559*, я съ любовью качаю своего крестника, обнимая его обѣими руками. Въ этой связи мы не можемъ не указать на вариантъ упомянутой народной пѣсенки (*abi rūki tauñajami*): *valkāj' manu vainadziñu, vēnu rūku nūnemam'*; *svešas mātes gālvās ātu abu rūku dauñajam Mag. VIII, 1812* (Кабилень), я носила свой вѣночекъ, снимаемый одной рукой, а головной платокъ чужой матери слѣдуетъ прижимать обѣими руками. Биленштейнъ (*Lett. Spr. II, 23*) пытается объяснить *abu rūku* путемъ звуковыхъ законовъ, какъ формы творительнаго пад. мн. числа. Но звуковые законы не позволяютъ и думать о возможности объясненія Биленштейна. Лескинъ (*D. Declination im Slavisch-Litauischen und Germanischen 72*) видитъ въ *abu rūku* творительный падежъ ед. числа въ значеніи множ. числа. Брюкнеръ (*Archiv f. slav. Philol. III, 290, 304*) и Бругманъ (*Grundriss II, 715*) повторяютъ это толкованіе, вовсе не ссылаясь на Лескина, изъ чего видно, что эти ученые считаютъ толкованіе Лескина неоспоримую истину. Однако же утвержденіе Лескина ничѣмъ не подтверждено и его ничѣмъ нельзя подтвердить. Всего проще объясняется *abu rūku* какъ родительный пад. мн. числа, который какъ въ литовскомъ языкѣ, такъ и въ латышскомъ обозначаетъ при причастіи страдательнаго залога средство или орудіе дѣйствія, напр. *adrese bij sēvēšu rūkas rakstīta* (*Austrums XV, 459*), адресъ былъ написанъ женскою рукою. Ср. *Bielenstein, Lett. Gram. 283*.

Но если ктонибудь въ народныхъ пѣсняхъ предполагаетъ строгую послѣдовательность конструкціи и поэтому, во что бы то ни стало, хочетъ въ *abu rūku* найти творительный падежъ, соотвѣтствующій творительному падежу *vēnu rūku* въ предыдущей строкѣ, тотъ принужденъ *abu rūku* считать винительнымъ дв. числа съ окончаніемъ мужескаго рода въ значеніи творительнаго падежа. Однако же такой строгой послѣдовательности въ конструкціи латышская народная поэзія не соблюдаетъ, что видно изъ варианта разсмотрѣнной пѣсенки: *aili, manu vainadadziñu,*

vēni rūki (дат. пад. ед. числа), ср. es nebiju lauka irbe, vana-
gam nūtvérama Ltd. 775, я не куропатка, которую можетъ
поймать ястребъ); tautu déla plani áuti abi rūki (винит. дв. числа
въ функціи творительнаго) tauńájami 518.

Беценбергеръ (Ueber die Sprache der preusischen Letten,
Mag. XVIII, 107) приводитъ изъ Шварцпорта (Куришь-гаффъ)
ar dui zĩrgu, двумя лошадьми, и склоненъ zĩrgu принять за ви-
нительный падежъ дв. числа, образованный подъ вліяніемъ ли-
товскаго языка. Но въ виду того, что такіе винительные встрѣ-
чаются въ Лифляндіи и Курляндіи, далеко отъ литовцевъ, влія-
ніе литовскаго языка и на образование dui zĩrgu сомнительно.

Мимоходомъ мы позволяемъ себѣ указать на особенность дв.
числа шварцпортскаго литовскаго говора. Въ Шварцпортѣ окон-
чаніе имен.-винительнаго падежа дв. числа женскаго рода -i,
вытѣснено окончаніемъ мужскаго рода -u, напр. du saldu ogu,
вмѣсто dvi saldì ũgi. Ср. Kurschat, Grammatik d. lit. Spr. 176.
Похожее явленіе, какъ мы только что видѣли, встрѣчается въ
латышскомъ языкѣ: par devińu vasrińu, divi dēnu и др. Еще
болѣе замѣчательное сходство между шварцпортскимъ литов-
скимъ говоромъ и латышскимъ языкомъ замѣчается въ омерт-
вѣлости имен.-винительнаго пад. дв. числа: su abudu ranku, вм.
sù abēm rańkom, обѣими руками. Kurschat, Gramatik d. lit.
Spr. 176.

Брюкнеръ (Archiv f. slav. Philol. III, 306) разсуждаетъ объ
упомянутыхъ u-формахъ слѣдующимъ образомъ: «окончаніе
мужскаго рода на -u принимали за знакъ дв. числа до такой
степени, что его перенесли и на дв. число женскаго рода; такъ
объясняется и su abudu ranku вм. sù abēm rańkom». Однако же
при этомъ остается неразрѣшеннымъ вопросъ, почему именно
только шварцпортскій литовскій говоръ такъ смотрѣлъ на окон-
чаніе мужскаго рода? Не сказывается ли здѣсь вліяніе сосѣд-
няго латышскаго языка на шварцпортскій говоръ? Рѣшить этотъ
вопросъ можно только послѣ основательнаго изученія Шварцпорт-
скаго литовскаго и латышскаго говоровъ.

Предшествующее изслѣдованіе занимается дв. числомъ, употребляющимся въ связи съ числительными. Но возникаетъ вопросъ, нѣтъ ли еще въ латышскомъ языкѣ хоть самыхъ жалкихъ слѣдовъ дв. числа отъ существительныхъ, означающихъ парные предметы. Биленштейнъ, *Lett. Spr.* II, 27 приводитъ значительное число примѣровъ, въ которыхъ по его мнѣнію окончаніе -и замѣняетъ окончаніе винительнаго падежа мн. числа -us. Такъ какъ въ латышскомъ — s не отпадаетъ, то Брюкнеръ (*Arch. f. slav. Philol.* III, 296) склоненъ видѣть въ этихъ мнимыхъ винительныхъ, приведенныхъ Биленштейномъ, слѣды дѣйствія дв. числа. Однако же примѣры Биленштейна не выдерживаютъ критики, представляя путаницу разныхъ падежей. Къ мнимымъ винительнымъ множ. числа онъ относитъ: 1) винительный пад. ед. ч.: *svárku úzhedams Mag.* VIII, 2003, приподнятая платъ (svárki, правда, обыкновенно pl. t., но употребляется иногда и въ ед. числѣ); *mitūsim gredzentiū Mag.* VIII, 1140¹⁾, обмѣняе́тесь колечками, *méitas vira dzípariū, exbarūju kumeliū, méitām skáists dzípariūš, man bij skáists kumeliūš* 2292, дѣвушка парили пряжу, я кормилъ коня, у дѣвушекъ была прекрасная пряжа, у меня былъ прекрасный конь; какъ Биленштейнъ могъ въ формѣ *dzípariū* искать винит. пад. мн. числа, для насъ совершенно непонятно, такъ какъ *skáists dzípariūš* (ед. ч.) доказываетъ, что *dzípariūš* здѣсь употребляется въ ед. числѣ, и слѣд. форма *dzípariū* оказывается вин. пад. ед. числа; 2) творительный пад. ед. числа: *tes upíte síku līcu* 554, теки, рѣчка, извиристо; ср. *līku līcu*, извиристо; 3) родительный падежъ мн. числа: *nāc rudeni linu plūkt, pavasarā dvēlu áust* 980, приходи осенью выдергивать ленъ, (а) весной ткать полотенца; *es tecēju vārtu vērt* 2080, я побѣжала отворить ворота; если отъ глагола, выражающаго движеніе, зависитъ переходный глаголъ, то въ такомъ случаѣ послѣдній, повидимому, управляетъ родительнымъ падежомъ, но на самомъ дѣлѣ родительный пад.

1) Ср. Ar putnēm nemij sveicēnu Latvēžu Dzejas Pagalms, ihdevis Janševskis стр. 274.

зависитъ отъ глагола движенія; *nebrēn dubļu* 1509, не ходи по грязи; *ne sūlišu skaitīdams* 2235, не считая шаговъ, *dzīpariņu perapesa* 607 (родительный при отрицаніи; *dzīpariņu* можетъ быть и винительный ед. числа); *vēgr méitiņa, raša linu rakuliņas* 558, пряди, дочка, паклю своего собственного льна. *Nevēnam es netēikšu, kŭ es dabuj Iāņu naktī; dabuj zīrgu, dabuj seglu, dabuj zīrgu jājējiņu* (1724), никому я не скажу, что я приобрѣла въ Иванову ночь; я приобрѣла коней, приобрѣла сѣдла, приобрѣла наѣздниковъ коней,—такъ хвастается кокетная дѣвушка, утверждая, что она приобрѣла не одного, но многихъ поклонниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ много коней и сѣделъ; *seglu* въ этой пѣсенкѣ род. пад. мн. ч., зависящій отъ глагола *dabūt*; ср. *dabūt vīra* Ltd. 1891, *es dabūju līgaviņas* BV. 589,з, *dabūt sudraba, zelta* RK. VII, 761, 4, 13. Ср. мою книжку *Daži jautājumi par latvēšu valūdu* III, 64.

Только тѣ примѣры Биленштейна, въ которыхъ имена существительныя употребляются въ связи съ числительными, оказываются винительными дв. числа: *treju pūru derināja* 2467, *trīs gadiņu* 286, *div brālīšu* 1849, *dēlu māte grūzijās treju svarku mugurā* 883. Объ этихъ примѣрахъ была уже рѣчь выше. Но кромѣ этихъ примѣровъ заслуживаютъ особаго вниманія еще два слѣдующіе: *atver vārtu* 1620 (Мезотень), отвори ворота; *ne es vairi še atnākšu jūsu dūrvī virināt* 2160, я болѣе сюда не приду, чтобы отворять ваши двери. Брюкнеръ (Archiv f. slav. Philol. III, 266) принимаетъ *dūrvī* за винительный падежъ дв. числа, и Бепенбергеръ (Lett. Dialekt-Stud. 35) склоняется къ такому же убѣжденію. *Dūrvīs, duris, dūres, dūr's, dūr's* обыкновенно употребляется во множественномъ числѣ, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ особенности въ сѣверо-западной Курляндіи нерѣдко и въ единственномъ. Въ Кандавѣ (въ Курляндіи) и въ Пebaльгѣ (въ Лифляндіи) формы единственного числа весьма употребительны, рядомъ съ формами множественнаго числа: имен. *dūrvs*, род. *dūrvs*, дат. *durvei*, вин. *dūrvī*, мѣстн. *dūrvē* (Пebaльгъ). Въ Руенѣ (въ Лифляндіи) я слышалъ род. ед. ч. *dūrs*. Теперъ форма

dūrvi сознается винительнымъ падежомъ ед. ч.; ср. BV. 1095, 3863, 4801, 4215, 4708, 5057. Можетъ быть, что невѣрно понятый винительный падежъ дв. числа dūrvi, dūri, повлекъ за собою единственное число другихъ падежей, такъ что такимъ образомъ въ имени существительномъ dūrvis въ самомъ дѣлѣ видны были бы слѣды дѣйствія двойственнаго числа. Если не принять ошибочной записи, то kāj=kāji ноги, безъ сомнѣнія, винительный пад. дв. числа въ слѣдующей народной пѣсенкѣ: labāk dzēdu kāj' āudama, ne gālvīnu sukādama; āizvēnam kājas avu, retums gālvu izsukāju BV. 1011, стр. 869 (Вольмаръ) и стр. 161, лучше я пою, обувая ноги, чѣмъ расчесывая голову; всегда я обуваю ноги, (но) рѣдко расчесываю голову. Что касается vārtu въ приведенномъ предложеніи: atver vārtu, то I. Zubatý (O alliteraci v pisních lotyšských a litevských. Věstnik Král. české společnosti náuk III, 8) высказывается слѣдующимъ образомъ: «форма vārtu вм. vārtus вѣроятно старое дв. число, которое также понятно, какъ при dūrvi вм. dūrvis. Можетъ быть, что та или другая изъ формъ, приведенныхъ Биленштейномъ (Lett. Spr. II, 27) есть подобное дв. число и весьма возможно, что по исчезновеніи дв. числа въ латышскомъ языкѣ чередованіе такихъ формъ, какъ vārtu, dūrvi (стар. дв. число), съ формами мн. числа vārtus, dūrvis послужило источникомъ, изъ котораго произошли винительные мн. числа на -u, -i». Биленштейнъ (II, 27) говоритъ о винительныхъ мн. числа на -u, какъ о весьма обыкновенномъ явленіи латышскаго языка. Но это мнѣніе Биленштейна основывается, какъ уже указано, на несоблюденіи латышскаго синтаксиса. Раздѣляя ошибочный взглядъ Биленштейна на мнимые винительные мн. числа на -u (-i), Зубати долженъ былъ придти къ высказанному имъ заключенію. Принять vārtu за остатокъ дв. числа мы, правда, не осмѣливаемся считать совсѣмъ невозможнымъ (ср. pas brolēlu pauci vārtu Юшкевичъ, Lētūviškos dainos II, 485), но весьма невѣроятнымъ; vārtu въ функціи винительнаго падежа мы никогда и нигдѣ, кромѣ упомянутой народной пѣсенки не слышали и также не чи-

тали; сверхъ того нѣтъ, сколько намъ извѣстно, ни одной формы дв. числа на -и безъ предыдущаго числительнаго. Въ сочиненіяхъ Манцелія и въ верхне-латышскомъ говорѣ вм. *várti* употребляется *vártis* (i—склоненіе женск. р.). Такъ же въ Сарнатенѣ, Шлекъ-Стенденѣ, Дондангенѣ (въ сѣверо-западной Курляндіи) *várti* женскаго рода: *tās várt's* вм. *tē várti*; это тѣмъ страннѣе, что въ только что названныхъ мѣстностяхъ, какъ вообще въ сѣверо-западной Курляндіи, женскій родъ уступаетъ мужескому. Но почему при словѣ *várti* такое обратное явленіе? Едва ли можно сомнѣваться, что это случилось вслѣдствіе ассоціаціи съ существительнымъ *dūr's* (*dūrvis*): *vártis* по аналогіи *dūrvis*. Но если *dūrvis* могло повліять на родъ существительнаго, сходнаго по значенію съ нимъ, именно на родъ слова *várti*, то такое же влияніе на число (при томъ въ одномъ только случаѣ) не имѣетъ ничего удивительнаго: вин. ед. числа *vártu* по аналогіи *dūrvī*, *dūri*.

Рано уже любилъ и литовскій, и латышскій языки присоединить къ дв. числу числительное *dū*, *dvi*, лат. *divi*. На это указываетъ замѣчательный плеоназмъ, встрѣчающійся и въ литовскомъ, и въ латышскомъ языкахъ: лит. *abūdu*, *abīdvi*, лат. *abi divi*, оба (собст. оба два). Происхождение этого страннаго плеоназма слѣдуетъ отнести къ тому времени, когда чутье къ дв. числу начало притупляться и явилось необходимымъ употреблять его вмѣстѣ съ числительнымъ *divi* два, ср. лит. *tūdu*, *tēdvi*, *szūdu*, *szēdvi*, *jūdu*, *jēdvi*, *kókiu-du*, *kóki-dvi* и пр.; по аналогіи *tūdu*, *tēdvi*, *jūdu*, *jēdvi* возникли *abūdu*, *abīdvi* = лат. *abi divi*. Если лит. *abūdu*, *abīdvi* и лат. *abi divi* не происходили внѣ зависимости другъ отъ друга, то присоединеніе числительнаго къ дв. числу восходитъ къ обще-литовско-латышскому періоду.

Мѣстный-родительный пад. дв. числа.

Лескинъ (Brugmann, Grundriss II, 656) вѣрно узналъ въ литовскомъ *rušiai*, по поламъ, мѣстный пад. дв. числа; а литов-

скому *rušaiā* вполне соответствует латышское *rušu* по формѣ и по значенію, и такъ мы имѣемъ въ латышскомъ языкѣ въ *abej' rušu*¹⁾ BV. 4573, стр. 944, изъ **abejau rušau*, по обѣимъ сторонамъ, неоспоримый мѣстный пад. дв. числа. Значеніе мѣстнаго падежа ясно видно уже въ *abej (u) rušu*, но еще яснѣе въ слѣдующей народной пѣсенкѣ: *es redzēju, kaimiņūs rušu gāilu pirti kūga* BV. 1085 я видѣлъ, какъ у сосѣдей, во время полу-пѣтуховъ топили баню.

Окончаніе индоевропейскаго мѣстнаго падежа дв. числа было вѣроятно **-oṡ* = лит. *-au*, лат. *-u*; присовокупленіемъ окончанія родительнаго пад. ед. числа *-s* образовался, кажется, отъ этой формы родительный пад. ед. числа на **-oṡs*. Ср. Brugmann, Grundriss II, 656; Wheeler I. F. VI, 136; I. Zubatý, I. F. VIII, 215. Но это первоначальное различіе между родительнымъ и мѣстнымъ падежами дв. числа стерлось почти до неузнаваемости. Только въ авестійскомъ языкѣ это первоначальное различіе вѣроятно сохранилось (ср. I. Zubatý, I. F. VIII, 215; Brugmann, Grundriss II, 654), между тѣмъ какъ въ древне-индійскомъ языкѣ мѣстный и родительный пад. дв. числа имѣютъ одно и то же окончаніе *-ōś* изъ *-aṡś*. Въ литовскомъ языкѣ являются окончанія *-au*, *-aus*, только въ функціи мѣстнаго падежа: *rušaiā*, *dvējaui*, *dvėjaus*, вдвоемъ. Что *dvējaui* и *dvėjaus* мѣстные пад. дв. числа отъ *dū*, (*dvī*), въ томъ послѣ убѣдительнаго толкованія I. Зубатаго (I. F. VIII, 215) сомнѣваться нельзя.

Въ латышскомъ языкѣ существуетъ кромѣ мѣстнаго пад. дв. числа на *-u* (*abej(u) rušu*) еще и мѣстный-родительный пад. дв. числа съ конечнымъ *-s*. На первомъ планѣ изъ такихъ формъ слѣдуетъ отмѣтить *abēiš* и *divēiš*. *Abēiš rušu ceļam*, по обѣимъ сторонамъ дороги, *abēiš rīku pirksti*, пальцы обѣихъ рукъ—я

1) Въ Грюнгофѣ я слышалъ слѣдующее предложеніе: *abēju pus ceļa kīki aug*, по обѣимъ сторонамъ дороги растутъ деревья. Мѣстный пад. дв. ч. *rušu* здѣсь замѣненъ нарѣчіемъ, которое произошло изъ омертвѣлаго мѣстнаго пад. ед. числа; ср. *šīpus*, *viūpus*, *otrupus*; Bielenstein, Lett. Spr. II, 322; *šim pus ceļam*—*šimā pusē ceļam* (Лемзаль). Ср. RK. XIII, 89, Bezzenger, Lett. Dialect-Stud. 143.

слышалъ въ Наудитенѣ, Жукстѣ, Гросъ-Пенавѣ, Лестенѣ; *divéiš gadu vecs*, двухъ лѣтъ отъ роду, въ Жукстѣ, Гросъ-Пенавѣ, Лестенѣ, Нейенбургѣ, Весатенѣ Бененѣ, Альтъ-Ауцѣ; *vīnš panēmis divéiš dēnu máizi līdz L. P. VI, 656*, онъ взялъ съ собою хлѣба на два дня (*panis duorum dierum*), *divéiš nedēlu máize* (Ней-Ауцъ), хлѣбъ на двѣ недѣли. *Divéiš gadu vecs* приводитъ уже Биленштейнъ (*Lett. Spr. II, 28*); *abéis rušu* вм. *abéiš rušu* встрѣчается въ сочиненіи Силина *Stásti par láužu dzīvi Baltijā 59*. *Divéišu* вм. *divéiš* (*divéis*) читаемъ въ латышскихъ сказкахъ, собранныхъ Лерхъ-Пушкайтисомъ: *bij divéišu kázas, LP. I., 71, IV, 24*, была двойная свадьба, собств. свадьба двухъ паръ; *ni sákás īstenas kázas, diveišu uz veizi LP. IV, 123* (Жукстѣ), теперь началась настоящая свадьба, двухъ паръ въ одно время. Биленштейнъ (*Lett. Spr. II, 28*) ищетъ въ *divéiš gadu vecs* винительный пад. мн. числа, вм. *divéjus gadus vecs*. Но это толкованіе предполагаетъ въ существительномъ *gadu* отпаденіе согласнаго -s, совсѣмъ чуждое латышскому языку, и поэтому оно отвергается. По мнѣнію Зубатаго (*I. F. Anz. IV, 58*) *divéiš* состоитъ изъ *div + ei + šu* (-šū какъ въ *ramišu, rikšu*), и такъ по этой этимологіи *divéišu* собственно значить «ходящій вдвоемъ». Но этому толкованію не благопріятствуютъ формы безъ конечнаго -и: *divéiš, abéiš*, а рѣшительно противорѣчитъ форма *abéis* въ говорѣ Силина, которой въ этомъ говорѣ должна соотвѣтствовать форма *divéis*. Сверхъ того есть основаніе сомнѣваться въ существованіи формы *divéišu*. Въ сказкѣ, записанной Биленштейномъ (*LP. VI, 656*), Лерхъ-Пушкайтисъ пишетъ *divéiš'* съ апострофомъ, не осмѣливаясь перемѣнить текстъ Биленштейна. Этотъ апострофъ показываетъ, что Лерхъ-Пушкайтисъ принимаетъ непонятную для него форму *divéiš* за родительный падежъ мн. числа. Руководимый такимъ ошибочнымъ взглядомъ, онъ невольно создалъ форму *divéišu*, встрѣчающуюся только у него. Въ сказкѣ, записанной Лерхъ-Пушкайтисомъ въ Жукстѣ, читаемъ (*LP. IV, 123*) также форму *divéišu*; но въ Жукстѣ, какъ я убѣдился на своей діалектической экскурсіи, тщательно наводя

справки, существуютъ только формы *divėiš*, *abėiš*, а не *divėišu* и *abėišu*.

При объясненіи слѣдуетъ во всякомъ случаѣ исходить не отъ *divėišu*, *abėišu*, но отъ *divėiš*, *abėiš*, *abėis*; ибо если даже въ самомъ дѣлѣ гдѣ нибудь существовали бы формы *divėišu*, *abėišu*, что, какъ мы указали, болѣе чѣмъ сомнительно, то и въ такомъ случаѣ нельзя было бы сомнѣваться, что *divėišu*, *abėišu* сравнительно молодыя формы, получившія свое конечное -u отъ окончанія родительнаго падежа мн. числа¹⁾.

Зубатый (I. F. VIII, 217) самъ, по видимому, сомнѣваясь въ вѣрности своего толкованія, спрашиваетъ, не скрывается ли въ *divėiš* преобразование литовской формы *dvėse*, происшедшее на основаніи народной этимологіи. Однако же при образованіи формъ *divėiš*, *abėiš*, (*divėis*, *abėis*) народная этимологія не играла никакой роли; *divėiš*, *abėiš*, (*divėis*), *abėis* — не сомнѣнные мѣстные-родительные падежи дв. числа: *divėiš*, (*divėis*) изъ **divejus*, **divejaus*, соотвѣтствуетъ вполне литовскому *dvėjaus* (если не принять во вниманіе первоначальнаго *ë* въ литовскомъ словѣ), древне-индійскому *dvájōṣ* и древне-славянскому дъвою, если эту форму возвести къ индо-европейскому **-oṁs*, а не *-oṁ*²⁾, и *abėiš*, *abėis* древне-индійскому *ubháuṣ* и древне-славянскому обою. Изъ балтійскаго -aus въ латышскомъ языкѣ произошло -u: **divejus* изъ **divejaus*, какъ въ родительномъ падежѣ ед. числа отъ -u основъ: *medus*, медъ, изъ **medaus* = лит. *medaũs*. Какъ во многихъ говорахъ выпадаетъ -u—въ именительномъ и родительномъ падежахъ ед. числа въ существительныхъ отъ u—основъ, напр., *mes* = *medus* въ Пегольѣ, *mēd's* въ сѣверо-западной Курляндіи, такъ и исчезло -u—въ **divejus*, *abejus*. Въ

1) Когда рукопись сей статьи была уже послана въ Академію, я получилъ отъ господина Лерхъ-Пушкайтиса письмо, въ которомъ онъ подтверждаетъ основательность моего сомнѣнія въ существованіи формы *divėišu*, признавая ее за ошибочную запись.

2) Др.-инд. *dvájōṣ* и лит. *dvėjaus* отличаются отъ лат. *divėiš* (*divėis*) и др.-слав. дъвою, разумѣется, и тѣмъ, что др.-инд. и др.-слав. формы образовались отъ индо-европейской основы **d̥co*, но латышская и др.-слав. отъ **d̥co*.

этихъ предполагаемыхъ формахъ *divejus и *abejus могло -и- раньше и легче выпадать, чѣмъ въ именительномъ и родительномъ падежахъ ед. числа въ и- склоненіи, потому что онѣ трех-сложныя слова, между тѣмъ какъ къ и- склоненію относятся только двусложныя слова. Такимъ путемъ произошла форма abéis въ говорѣ Силина. Что же касается отношенія формы abéis (divéis) къ abéiš, divéiš, то abéis (divéis): abéiš, divéiš = kaléis: kaléiš. Ср. Bielenstein II, 59. Divéiš употребляется во всѣхъ намъ извѣстныхъ предложеніяхъ въ функціи родительнаго падежа, такъ и abéiš въ abéiš rŭku pŭrksti, а abéiš въ abéiš rušu ceļam въ значеніи мѣстнаго падежа.

И такъ и въ латышскомъ языкѣ замѣчается смѣшеніе мѣстнаго и родительнаго падежей дв. числа. Кромѣ divéiš (divéis), abéiš, abéis существуютъ въ латышскомъ языкѣ еще и другіе родительныя падежи мн. числа съ конечнымъ -s. Беценбергеръ (Lett. Dialect-Studien 161) приводитъ изъ верхне-латышскаго языка Витебской губерніи значительное количество родительныхъ падежей мн. числа отъ мѣстоименій, именъ прилагательныхъ и причастій съ окончаніями -ūs, -us, -os, -oes, напр. jūs ruiškini, ихъ мальчики, tūs muti, ихъ ротъ; jir vecus ļaužu, есть старые люди, jaunus gul̄ta, ложе новобрачныхъ; doudzi šitos vaļanu, много этакихъ чертенытъ; nu ļeļos siržu, отъ упрямства, deļ toes mirušoes, ради мертвыхъ.

Въ народныхъ пѣсняхъ, изданныхъ Барономъ и Виссендорфомъ, находимъ въ текстахъ, заимствованныхъ изъ верхне-латышскаго языка Витебской губерніи, только окончанія -ūs и -us; moz ir tūs egleišu BV. 4129, мало этакихъ елокъ; nu tūs nīdru BV. 5057, изъ этого тростника; bez boltūs bōlelenu BV. 3386, безъ бѣлыхъ братьевъ; BV. 3713,з, BV. pēlik. 224; eistūs bōlelenu BV. 4890,з, родныхъ братьевъ; nu gaudūs asarenu BV. 5208; gotovus gabalenu BV. 3355, готовыхъ платевъ. Этими примѣрами подтверждается мнѣніе Зубатаго (Ueber gewisse Genetivendungen im Lettischen, Slavischen und Altindischen. Sitzungsberichte d. königlichen böhmischen Gesellschaft

d. Wissenschaften XVII, 1), что основными окончаніями этого родительнаго мн. числа слѣдуетъ признать -ūs и -us: ūs при односложныхъ словахъ (tūs, jūs), -us при многосложныхъ словахъ (vecus, gotovus). Что касается долготы въ родительномъ падежѣ boltūs, eistūs, то въ этихъ формахъ скрывается безъ сомнѣнія опредѣлительное окончаніе прилагательныхъ; ср. вин. пад. мн. числа tūs labūs = верхне-лат. tūs labūs. Въ верхне-латышскомъ языкѣ Витебской губерніи по указанію Барона (BV. стр. 960) не соблюдается во всѣхъ мѣстахъ одинаковое слогуудареніе; тѣмъ объясняется вѣроятно различіе tūs 4129 и tūs 5057, boltūs, eistūs и gaudūs. Такое же колебаніе между длительной и прерывистой долготами замѣчается въ пѣсняхъ, изданныхъ Барономъ и Виссендорфомъ, и при винительномъ падежѣ ед. и мн. ч. напр. tū и tú BV. рѣлик. 1841, tūs и tús BV. стр. 908. Не допуская возможности ошибочной записи, мы должны на основаніи большинства примѣровъ -ūs (съ длительною долготою) признать обыкновеннымъ окончаніемъ верхне-латышскаго языка.

Подобные родительные пад. мн. числа встрѣчаются въ древнѣйшихъ памятникахъ латышскаго языка: въ маленькомъ катехизисѣ (Enchiridion) и въ первой латышской книгѣ церковныхъ пѣсень Vndeutsche Psalmen (1586—1587). Послѣдняя книга снова издана Беценбергеромъ и Биленштейномъ (1886 г.); на 75-й страницѣ этого изданія и также въ сочиненіи I. Зубати (Über gewisse Genetivendungen 9) составлено значительное количество такихъ родительныхъ падежей. Мы отмѣтимъ нѣсколько изъ этихъ примѣровъ, опуская изъ нихъ всѣ тѣ, которые по латышскому синтаксису могутъ быть винительными, т. е. всѣ тѣ примѣры, въ которыхъ управляющее слово—имя существительное, произведенное отъ переходныхъ глаголовъ: ta drougezibe thoes swetes Кат 2, 32; 13, 1; Psalm. 15, 14; exkan to Runne toes Besdewes Ps. 1, 22; vs to czelle tos Greecenekes 1, 23; to czelle thos Taysnes 2, 4; Godybe touwes Sveetes 8, 21; apeskan tho juge thoes Greekes 11, 4; toes βirdes touves Titziges

12, 7; exkan to Runne thoēs Rames 31, 12; czour to Mutte vinges Sweetes Prophetes 39, 20; aran to Roke mußes Enaydenekes 39, 28; to walstibe thoēs paggane loudes 31, 23; Te darbe vinges Rokes 31, 24.—Touwes titczyges Szirdes 1, 5; thoēs Besdewes sobes 3, 14; toēs beediges ßirdes 27, 13; toēs Noskumusches ßirdes 27, 14.

Рядомъ съ родительнымъ падежомъ мн. числа съ конечнымъ -s употребляется въ указанныхъ памятникахъ и обще-латышскій родительный пад. мн. числа на -u: tas czelsche to Besdewige Ps. 2, 5; ta sweete Apostulle droudctze 4, 7; aran Greeke Bhedims 49, 19. и т. д.

При этомъ надо замѣтить, что въ этихъ первыхъ латышскихъ памятникахъ конечное e—(преобладающее окончаніе тамскаго говора и нѣмецкаго языка) замѣняетъ другія конечныя гласныя a, i, ū, u; поэтому to Besdewige = tū bezdėvigu; vs to czelle tos Greecenekes = uz tū celu tūs grėcenėkus; godybe towes Sweetes=gūdība tovus svėtus и т. д.

Что отцы латышской литературы, будучи нѣмецкаго происхожденія и не имѣя никакого руководства къ латышскому языку, не обладали глубокимъ знаніемъ латышскаго языка, это само собою разумѣется и ясно доказывается ихъ трудомъ, изобилующимъ грубыми ошибками. Но если все-таки, при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, родительный падежъ мн. числа на -ūs, -us не могъ миновать ихъ вниманія, то тѣмъ становится очевиднымъ, что этотъ родительный былъ триста лѣтъ тому назадъ весьма употребителенъ въ томъ говорѣ, на которомъ основывается латышскій языкъ первыхъ памятниковъ. Поэтому было бы весьма интересно узнать, къ какому говору принадлежитъ языкъ первыхъ памятниковъ латышской литературы. Главныя черты языка этихъ памятниковъ указываютъ на говоръ, находящійся на промежуточной степени средне-латышскаго и такъ называемаго тамскаго говоровъ (въ сѣверо-западной Курляндіи и Лифляндіи). Въ тамскомъ и въ сосѣднихъ ему средне-латышскихъ говорахъ трудно слышать окончанія и нерѣдко это

представляется совсѣмъ невозможнымъ; такъ напр. въ Кандавѣ уже слухъ не можетъ различать родительнаго падежа ед. числа, *bégn'* (= *bérna*) отъ вин. ед. ч. и родительнаго мн. числа *bégn'* (= *bérnu*) и отъ имен. мн. числа *bégn'* (= *bégni*); также никакимъ образомъ нельзя уловить гласную, выпавшую передъ конечной согласной, напр. вин. пад. мн. ч. *bégn's*, дѣтей; выпало ли тамъ а или е, і, и, это слухъ отличить не можетъ. Въ сѣверо-западной Курляндіи выпаденіе краткой гласной въ слѣдующемъ слогѣ сопровождается протяженіемъ краткой въ предыдущемъ слогѣ, напр. *lāb's* = *labas*, *labus* отъ имен. *lābs*, произносится *lāps*, добрый.

Если предполагать такой говоръ источникомъ первыхъ памятниковъ латышской словесности, то поймемъ, почему въ нихъ гласная е играетъ такую важную роль. Авторы-нѣмцы подставляли вмѣсто неуловимыхъ гласныхъ свое, въ окончаніяхъ нѣмецкаго языка преобладающее—е. Это подставленіе содержанія нашего сознанія такъ естественно, что отъ него освободиться не всегда удается и такимъ языковѣдамъ, какъ Беценбергеръ. Такъ послѣдній слышитъ въ словахъ *éidēns*, *leicēns* вмѣсто прерывистаго слогаударенія гласное -е: *éidānes*, *leicānes* (Lett. Dialekt-Studien, 104, 105), *tē méites ir jáunes* вм. *tē méit's ir jáun's* (142).

Тамскимъ говоромъ языкъ указанныхъ памятниковъ отзывается сверхъ того 1) въ смѣшеніи родовъ, напр. *toes bhedes* Ps. 1, 15, *toes βirdes* 12, 7, 2) въ употребленіи окончанія -im въ дат. пад. мн. ч. вм: -ām, -ēm, напр. *wuessims* Ps. 2, 31, *mhelims*, 1, 7, *davanims* 14, 32, *bhedims* 10, 13 и 14; 20, 34; 24, 9, 10, 18; 27, 15; 30, 16; ср. *visim vīrim*, *basim kājim*, *bēdim*, *ragim* въ Сасмакенѣ и Ангернѣ; 3) въ переходѣ окончанія -ais, въ eis, напр. *sweteis* Ps. 1, 4, *myleis* 7, 6; переходъ этотъ, начинаясь на сѣверѣ отъ Тукума, свойственъ латышскому языку сѣверо-западной Курляндіи; 4) въ употребленіи предлоговъ *az* или *áz* и *pī* вм. литературнаго *āiz* и *rē*, напр. *aesto* Ps. 2, 4, *py* 3, 5) въ управленіи предлоговъ, напр. *no to whelne*

speeke Ps. 14, 5 = nū tū velna spēku, py tho kunge 3, 15 = pē tū kungu; т. е. предлоги, требующіе родительнаго падежа, управляютъ и въ старшихъ латышскихъ памятникахъ, и въ тамскомъ говорѣ въ ед. числѣ винительнымъ-творительнымъ падежомъ мужескаго рода. Ср. Indoger. Forsch. 13, 252; 6) въ переходѣ гласнаго а въ о, напр. taws Ps. 18, 1 = taus, tavs, твой, двухгласнаго au въ ou, напр. czour 10, 17 = saur; 7) въ вставленіи гласнаго е между г и s напр. katters 2, 15 = katrs, каждый. Отличается же языкъ старѣйшихъ латышскихъ книгъ отъ тамскаго языка дательнымъ пад. ед. ч. thoew, тебѣ, вм. тамскаго tau, и въ спряженіи различіемъ личныхъ окончаній, между тѣмъ какъ въ настоящемъ тамскомъ говорѣ третье лицо замѣняетъ всѣ остальные. Слѣдовательно, единство говора не соблюдается въ трудѣ отцовъ латышской литературы. Это доказывается и одновременнымъ существованіемъ 1) окончаній -eis и -ais, напр. sweteis Ps. 1, 4, mileis 7, 6 рядомъ съ Sweetays 8, 2, Maetcetaye 1, 12; 2) -ims и -ëms, напр. tims 1, 6, рядомъ съ touvems kalpems 6, 3 = tovëms kalpëms; 3) предлоговъ pi и по, вм. nu; ибо въ тѣхъ говорахъ, въ которыхъ встрѣчается pi, не употребляется nū, а только nu, и наоборотъ въ тѣхъ говорахъ, въ которыхъ рѣ въ употребленіи, не существуетъ nu, а только nū.

Это смѣшеніе говоровъ объясняется отчасти тѣмъ, что разсматриваемые памятники — произведеніе не одного автора, а пятерыхъ: Іоанна Ривіуса, пастора добленскаго, Христіана Мике, пастора экавскаго, Балцера Лемброка, пастора туккумскаго, Готгарда Реймерса, пастора баушенбургскаго (Бауске), Іоанна Вегмана, пастора фрауенбургскаго. Ср. Bezzenberger, Der lettische Katechismus S. 6. Всѣ эти священники дѣйствовали среди латышей средне-латышскаго говора; учились, разумѣется, у своихъ прихожанъ средне-латышскому языку. И такъ, на основаніи этихъ историческихъ данныхъ, надо было бы предполагать основаніемъ языка ихъ произведеній средне-латышскій языкъ. Въ главномъ дѣлѣ, въ вокализмѣ, языкъ этихъ

произведеній сходится въ самомъ дѣлѣ съ средне-латышскимъ говоромъ; тамскую форму предлога *áz* могъ внести Вегманъ въ памятникъ отъ своего фрауенбургскаго прихода, окончаніе *-eis* Лемброкъ, пасторъ туккумскій. Про Лемброка мы знаемъ, что онъ былъ выбранъ членомъ комисіи, которой было поручено произвести ревизію о состояніи церквей и приходовъ; по побужденію этой комисіи, вѣроятно, взялись за переводъ самыхъ необходимыхъ духовныхъ книгъ на латышскій языкъ. Ср. *Vndeutsche Psalmen XI*. Поэтому можно было бы предполагать, что Лемброкъ игралъ при окончательной редакціи не маловажную роль, и такимъ образомъ объяснить не только окончаніе *-eis*, но и преобладаніе гласнаго *e* въ окончаніяхъ, такъ какъ, начинаясь съ Туккума, наблюдается окончаніе *-eis* и невнятное произношеніе конечныхъ гласныхъ.

Изъ всѣхъ названныхъ священниковъ упоминается съ особенною похвалою Ривіусъ. О немъ разсказывается, что онъ съ величайшимъ усердіемъ началъ переводить на латышскій языкъ катихизисъ М. Лютера, посланія, евангеліе, псалмы и церковныя пѣсни, но что онъ не успѣлъ окончить и напечатать свой трудъ вслѣдствіе его внезапной кончины. Что этимъ восхваленнымъ трудомъ пользовались товарищи Ривіуса, въ томъ сомнѣваться нельзя. Но въ Добленѣ встрѣчаемъ самый чистый средне-латышскій говоръ, который никоимъ образомъ не можетъ быть принятъ основою первыхъ напечатанныхъ латышскихъ книгъ. Про Ривіуса мы только знаемъ, что онъ въ послѣднее время своей жизни былъ пасторомъ въ Добленѣ. Можетъ быть, что онъ раньше жилъ гдѣ-нибудь въ сѣверо-западной Курляндіи, гдѣ онъ могъ себѣ присвоить особенности тамскаго говора. Однако же такое предположеніе ничѣмъ нельзя подтвердить. Гораздо вѣроятнѣе, что какъ Ривіусъ, такъ и его преемники пользовались при переводѣ рукописями, написанными на тамскомъ говорѣ. Что до напечатанія первыхъ латышскихъ книгъ въ 1586 и 1587 годахъ, существовали уже рукописныя пособія, это внѣ всякаго сомнѣнія. Ср. *Tetsch, Kurländische*

Kirchengeschichte III, 318, Pavasara Iāna Latvēšu rakstnēcības vēsture 15. Какъ тамскія особенности языка въ первыхъ латышскихъ книгахъ лучше всего объяснить на основаніи предположенія рукописей, написанныхъ на тамскомъ говорѣ, такъ и единственную форму верхне-латышскаго говора, *gīr* = *jīr*, вм. *īr*, есть, встрѣчающуюся въ первыхъ латышскихъ книгахъ, слѣдуетъ считать заимствованіемъ изъ рукописей, написанныхъ на верхне-латышскомъ языкѣ. Какое вліяніе имѣетъ написанное или напечатанное слово на слѣдующее поколѣніе, это видно изъ сочиненія Манценія, перваго лучшаго знатока латышскаго языка, основателя латышскаго литературнаго языка. Онъ пишетъ на средне-латышскомъ языкѣ, но онъ не вполнѣ свободенъ отъ верхне-латышскихъ и тамскихъ формъ, заимствованныхъ навѣрно отъ его предшественниковъ, напр. *gīr* рядомъ съ *īr*, *ru* рядомъ съ *no*. Если уже Манцелій подчиняется вліянію своихъ предшественниковъ, то такое подчиненіе отцовъ латышской литературы вліянію своихъ рукописныхъ пособій въ виду ихъ скуднаго знанія латышскаго языка не представляетъ ничего удивительнаго.

Окончаніе дательнаго падежа множ. числа -*īm* вм. -*ēm* и формы *tows*, *szouq*, которыя мы отнесли къ тамскому говору, можно было бы объяснить и верхне-латышскими, потому что онѣ употребляются и въ верхне-латышскомъ говорѣ. Но такъ какъ языкъ первыхъ латышскихъ книгъ, кромѣ формы *gīr* не имѣетъ ничего общаго съ верхне-латышскимъ говоромъ, то наше причисленіе этихъ формъ къ тамскому говору вполнѣ основано¹⁾.

И родительный падежъ мн. числа на -*us* (*ūs*), не составляетъ достояніе одного верхне-латышскаго говора, но онъ встрѣчается

1) Что касается формъ на -*an*, какъ то: *exkau* = *ēkšan*, *preexkan* = *prēkšan*, *apeskan* = *arakšan*, *āran* (ср. *Bezenberger, Lit. und Lett. Drucke d. 16 Jahrh. d. Kleine Katechismus XVII* и 54, *Lett. Dialect-Stud. 18⁴, Undeutsche Psalmen* примѣчаніе къ 1, 6 и 28, *I. Zubasý, Indogerm. Forsih. VI, 273*), то онѣ встрѣчаются еще нынѣ не только въ верхне-латышскомъ, но и тамскомъ говорѣ, напр. въ Шлекъ-Стенденѣ *prēkšēn*, *conren*, *zemen*.

и въ тамскомъ нарѣчїи и въ говорахъ, находящихся на промежуточной степени между средне-латышскимъ и верхне-латышскимъ: *lēr ir pill mell strazd's* (Лемзаль), липа полна черныхъ скворцовъ; *pūrs ir pills gata v' ūg's* (Пернигелъ), болото полно зрѣлыхъ ягодъ; *dzēs m's grāmat'* (Кольпенъ, Идзелъ, Трейдень, Нейермюленъ, Шедень (близъ Тальсена), книга (церковныхъ) пѣсенъ; *jāune rat's dīsel' = jaunū ratu dīsele* (Капдава), дышло новой телеги (*rāti pl. t.*), *kap's kālņi* (Ней-Зались), кладбище, дословно: холмы, имѣющіе отношеніе къ могиламъ, *louk's putn'* (Тегашъ) полевая птица, *louk's pel's* (Тегашъ, Лемзаль, Наббенъ, Пернигелъ, Ульпишъ) полевая мышь, *sēlm's galiņa* (Пернигелъ), на кончикѣ пня. Ср. РК. XIII, 87.

Сюда слѣдуетъ отнести и примѣры, приведенные изъ Ангермюнде Биленштейномъ (Lett. Sp. II. 21) *lāuk's putn'*, полевая птица, *sēm's méit's*, деревенскія дѣвушки. Отмѣтимъ изъ той же мѣстности слѣдующіе примѣры: *kupl' lēr' jūrmalei, pill' balt's gaigališ'* Ltd. 426, густая липа на берегу моря, полная бѣлыхъ чаекъ; *sīmtam nāk gūjus, vēršus, sīmtam bērus kumelinus*, Mag. VIII, 2000, сотнями приходятъ коровъ, быковъ, сотнями гнѣдыхъ коней; *del's māt'*, Ltd. 436; мать, имѣющая возмужалыхъ сыновей.

Биленштейнъ, считая *sēm's, lauk's* родительными падежами ед. числа, предлагаетъ (II, 21) двѣ попытки объясненія, изъ которыхъ однакожь первая, допускающая, что въ этихъ родительныхъ можно было бы искать остатки окончанія род. пад. ед. числа -s или sja, на теперешней ступени науки не заслуживаетъ никакого вниманія, а другая прибѣгаетъ къ вліянію ливскаго языка, въ которомъ встрѣчается много сложныхъ словъ, первая часть коихъ можетъ быть и именительный, и родительный падежъ. Брюкнеръ (Archiv f. slav. Philologie III, 283) отвергая и послѣднее толкованіе Биленштейна, указываетъ на то, что въ Ангермюнде существуютъ именительные падежи мн. числа, имѣющіе окончаніе женскаго рода вмѣсто мужскаго: *mīl's vārd's* вм. *mīli vārdi*, милыя слова, *grīn's lāud's* вм. *grīni lāudis*, супро-

вые люди (ср. Bielenstein, Lett. Spr. II, 26), и что при объясненіи этихъ формъ ссылка на ливскій языкъ оказывается совсѣмъ бесполезною.

Какъ въ упомянутыхъ именительныхъ, такъ и въ разсма-триваемыхъ родительныхъ (cēm's, lauk's) по мнѣнію Брюкнера форма мужескаго рода вытѣснена формою женскаго рода. Та-кимъ же образомъ обсуждаетъ эти формы Беценбергеръ (Lett. Dialekt-Studien 142). Однакожъ такой переходъ склоненія му-жескаго рода въ женскій по крайней мѣрѣ весьма невѣроятенъ, особенно въ Ангермюнде, гдѣ женскій родъ уступаетъ муже-скому, напр. tē—asaras Mag. VIII, 2005, вм. tās asaras, pukits, saulits, вм. pukite, saulite, (2008), manam māmiīam (2038) вм. manāi māmiīai. Родительнымъ падежомъ ед. числа и именитель-нымъ падежомъ мн. числа мужескаго рода въ Ангермюнде всегда являются формы литературнаго языка, только съ отбро-шенной конечной гласной, напр. Dēv' kumelin' Mag. (2017), кони бога, Iūd' bērn' (2039), дѣти черта, brāl' mās' (2024), сестра брата, lauk' gals (Ltd. 3228), конецъ поля, cēlm' (Mag. VIII, 1985), пни, tād(i) vārd(i), kād(i) vārd(i) (Ltd 3227), такія слова, какія слова.

Нельзя конечно совсѣмъ отрицать возможность перехода того или другого слова мужескаго рода въ женскій, даже въ такихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ мужескій родъ распростра-няется на счетъ женскаго рода, что видно изъ вышеприве-денной формы vārt's вм. vārt', изъ grēst's вм. grēsti, и роди-тельного падежа pēdrab's вм. pēdraba (въ Дондангенѣ), овинъ. Ср. Bezenberger, Lett. Dialekt-Studien 142. Но перемѣна рода обусловлена или совпадениемъ формъ или ассоціаціею словъ, или сходныхъ между собою по значенію или противопо-ложныхъ; такъ легко могло слово vārt's (у Манцелия vārtis, ср. Bielenstein II, 408) приравняться къ слову dūrvis dūr's, дверь, grēst's къ слову grīda, поле, pēdrab(a), род. pēdrab's, къ слову rija, рига; pēdārba (женск. род.), вм. pēdārbs, овинъ, встрѣчается и въ Гохрозенѣ (въ Лифляндіи). Такъ и мы могли бы себѣ пред-

ставить переходъ мужскаго рода въ женскій приравненіемъ слова *lāudis*, люди, къ слову *tāutas*, чужіе люди. Но какъ объяснить перемѣну рода въ словахъ *vārd̄s*, *lāuks*? Нечего уже говорить о *dēl's* въ *del's mā't*. Допустить, что такое слово, какъ *dēls*, сынъ, замѣнило мужскій родъ женскимъ, значитъ утверждать полную утрату мужскаго рода, что серьезно никому не придетъ въ голову. Возможно ли, чтобы въ одномъ и томъ же говорѣ (въ Ангернмюнде) существовалъ род. пад. ед. числа женскаго рода, *lāuk's* (Mag. VIII, 2037) рядомъ съ род. падежомъ ед. числа мужскаго рода *lauk'* (Ltd. 3228), имен. пад. мн. числа женскаго рода *mīl's vārd's* (Mag. VIII, 2065) рядомъ съ имен. пад. мн. числа мужскаго рода *tād(i) vārd(i)*, *kād(i) vārd(i)* (Ltd. 3227)?

Такъ какъ на основаніи сказаннаго предположеніе Брюкнера и Беценбергера оказывается болѣе чѣмъ сомнительнымъ, то мы, желая отыскать удовлетворительное объясненіе, должны сперва подробнѣе разсмотрѣть въ связи съ текстомъ тѣ формы, которыя служатъ основою толкованія Брюкнера, именно *grīn's lāud's* и *mīl's vārd's*: *Tai sētai grīn's lāud's* (Mag. VIII, 2063), на этомъ дворѣ злые люди; *tik tāutam mīl's vārd's*, *ka bij man saderet*; *kur tāutam mīl's vārd's*, *vis' mūž dzīvūdam* (2065), у жениха (собств. у чужихъ людей) милыя слова лишь до тѣхъ поръ, пока онъ со мною не обручился; но гдѣ у жениха милыя слова во время всей супружеской жизни? Въ этихъ народныхъ пѣсняхъ формы *grīn's lāud's*, *mīl's vārd's* могутъ быть по латышскому синтаксису не только именительными, но и родительными падежами мн. числа = *tái sētá grīnu lāužu*, *tik tautám mīļu vārdu*; ибо какъ въ сербскомъ, русскомъ и литовскомъ языкахъ (ср. Delbrück, Vergl. Synt. I, 318), такъ и въ латышскомъ языкѣ нерѣдко употребляется родительный падежъ въ утвердительныхъ предложеніяхъ, обозначающихъ существованіе: *nu man valas*, *nu man valas ar puisīšēm kapātēs* BV. 897, 2257; *reti vĕn tái valas atlika* (Neikena Raksti 49); *tagad ģkrītūt viņai valas* (Ielgavas Rakstu krājums V, 18); *ir gan pasaulē bēdu šādu un tādu*; *kam draugu*, *tas bagats* (посло-

вица); ūgu, rēkstu tai mežā (Ltd. 943); jir vecus ļaužu (Bezenberger, Lett. Dialect-Studien, 162); netik vēn labu ļaužu, kā sudraba valkātāju (Austr X, 2, 225); tik pi myusu lobūs ļaužu BV. 3671. Последнія два предложія и рассматриваемое предложіе tik tautam mīl's vārd's въ синтаксическомъ отношеніи похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Такъ какъ въ Ангернмюнде такихъ именительныхъ падежей, какъ grīn's ļaud's, mīl's vārd's нѣтъ, а существованіе таковыхъ родительныхъ ясно доказывается формами balt's въ lēp pill balt's gaigališ и goj(u)s, vērš(u)s, bēr(u)s kumeliņ(u)s въ sīmtām nāk gūj(u)s, vērš(u)s, sīmtām bēr(u)s kumeliņ(u)s, то нельзя не признать мнимые именительные падежи мн. числа grīn's ļaud's, mīl's vārd's за родительные мн. числа. Что касается родительнаго падежа grīn's ļaud's, то ср. tas tems dode to walstibe thoes paggane loudes Ps. 31, 23. I. Zubatý, Über gewisse Genetivendungen des Lettischen, Slavischen und Altindischen 20.

Въ однихъ изъ приведенныхъ примѣровъ значеніе множ. числа проявляется съ очевидною ясностью, какъ въ lēp ir pill mell strazd's, pūrs ir pills gatav ūg's, dzēsm's grāmat', rat's dīsel', kap's kālņi, lēp pill lalt's gaigališ, sīmtām nāk gūj(u)s vērš(u)s, sīmtām bēr(u)s kumeliņ(u)s, въ другихъ менѣе ясно, напр. dēl's māt', lauk' putn', lauk' pel's, cēlm's galiņa. Такіе примѣры какъ cēlm's galiņa, lauk's putn' могли бы насъ навести на мысль, видѣть въ нихъ родительный пад. ед. числа, однакожъ не родительнаго пад. ед. числа, заимствованнаго отъ словъ женскаго рода, но отъ u — основъ. Въ очень многихъ мѣстностяхъ (въ верхне-латышскомъ, средне-латышскомъ и въ особенности въ тамскомъ говорѣ) и — склоненіе, за исключеніемъ род. пад. ед. числа, перешло въ a — склоненіе: имен. род. meds, произносится мес въ Пebaльгѣ, mēd's въ тамскомъ говорѣ, дат. medam, мѣстн. medā, medā или medē въ тамскомъ говорѣ. Можно было бы предполагать, что при смѣшеніи u — и a — склоненій окончаніе род. пад. ед. ч. перваго, т. е. u склоненія, сообщилось второму, и такъ cēlm's galiņa стояло бы вм. cēlmus galiņa, lauk's

putn' вмѣсто laukus putn'. Это предположеніе весьма заманчиво, во-первыхъ, потому что въ латышскихъ говорахъ есть два несомнѣнныхъ случая, въ коихъ -s вм. -us является окончаніемъ род. пад. ед. числа отъ словъ, которыя, теперь по крайней мѣрѣ, принадлежатъ къ а—основамъ: 1) род. ед. ч. rít's отъ rít's утро; нѣ rít's изъ rítus, съ утра, въ Идзелѣ, Столбенѣ, Магнусгофѣ, Нейермюленѣ, Кандавѣ, Церенѣ; ср. лит. rýtas, рядомъ съ rýtus, род. ед. ч. rýtaus=лат. rít's, 2) род. ед. ч. gads отъ имен. gads, годъ, въ обще-латышскомъ словѣ gads — kárta, время года (у Манцелия Postill II, 243 ghadduskahrta); šāgads brūte krūni pīna Ltd 1795 (Вольмаръ), šagads máize (Пебальгъ, Берзонъ); jāungads rít' (Сасмакенъ); nū gads (Одензе, Берзонъ) iz ito^a godš (Mag. VIII, 51), во-вторыхъ, потому что при смѣшеніи і—склоненія съ согласнымъ склоненіемъ замѣчается подобное заимствование родит. пад.: род. пад. ед. ч. klēts, nakts, отъ і—основъ klēti, nakti, по аналогіи род. пад. согласныхъ основъ, напр. de-bess, вм. законныхъ формъ klētis, naktis, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ еще доселѣ сохранились, такъ въ Кабиленѣ имен. и род. пад. ед. ч. klētis, naktis, въ Лоденгофѣ и Лубанѣ род. ед. числа naktis BV. 1972. Предположить съ Брюкнеромъ (Archiv. f. slav. Philol. III, 284) въ род. пад. ед. ч. naktis, klēts выпаденіе -i—(изъ ě) можно только, пренебрегая звуковыми законами латышскаго языка; ср. творит. пад. мн. ч. vīris, имен. пад. мн. ч. naktis, klētis, имен. пад. ед. ч. brālis = лит. brólis.

Хотя такимъ образомъ возможность не совсѣмъ исключена, что формы dēl's, lauk's, cēlm's въ dēl's māt, lauk' putn', cēlm's galiņa род. пад. ед. ч., заимствованные отъ и—основъ, все-таки мы склонны въ нихъ видѣть родительные пад. мн. ч., во-первыхъ, потому что ничѣмъ, сколько мы видимъ нельзя доказать, что а—основы въ самомъ дѣлѣ заимствовали окончаніе родит. пад. ед. ч. отъ и—основъ, —имена существ. rít's (ср. лит. rýtus) и gads (слово заимствованное изъ русскаго языка, ср. tir-gus), могли первоначально принадлежать къ и—основамъ, —

во-вторыхъ, потому что разсматриваемые род. падежи на -s встрѣчаются въ такихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ существованіе родительнаго пад. мн. ч. на -s доказывается другими не сомнѣнными примѣрами, и въ-третьихъ, потому что род. пад. на -s отъ а—основъ никогда не встрѣчаются въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ латышскій синтаксисъ допускаетъ лишь употребленіе родительнаго пад. ед. числа, но всегда только въ такихъ, въ которыхъ смыслъ текста требуетъ или только множ. числа или чередованія множ. числа съ единственнымъ. Чередуются же род. пад. мн. числа съ родит. пад. ед. числа въ томъ случаѣ, если родительный пад. соотвѣтствуетъ русскому прилагательному и нѣмецкой первой части сложнаго слова, т. е. если родит. пад. употребляется въ общемъ, не частномъ значеніи, напр. *tiltu grīda* наравнѣ съ *tilta grīda*, мостовая настилка, *Brückenbelag*, *ceļu mala* наравнѣ съ *ceļa mala* (Ltd. 3888), *cēlmālis*, *cēlmāla*, *cēlmāle*, край дороги; *bērzū lapa* рядомъ съ *bērza lapa*, березовый листъ, *Birkenblatt*, *vīlku māte* наравнѣ съ *vīlka māte*, волчица, *lauku pele* съ *lauka pele*, полевая мышь, *Feldmaus*, *sāimnēku mēita* съ *sāimnēka mēita*, дочь хозяина, *Wirtstochter*, въ противоположность къ *kalpi (kalpa) mēita*, дочь батрака. Чередованіе родительнаго ед. числа съ родит. падежомъ мн. числа въ такихъ сочетаніяхъ легко понятно; напр. *bērzū lapa* — это листъ, какой бываетъ на березѣ; *bērzū lapa* — это листъ, какой бываетъ на березахъ. Подобное чередованіе единственнаго числа съ множественнымъ наблюдается въ соотвѣтствующихъ сложныхъ словахъ нѣмецкаго языка, напр. *die Kindsmagd*, *das Kindermädchen* = лат. *bērnu* и *bērna aukle*, нянька, *Schweinebraten*, лат. *cūku*, *cūkas cepetis*, но *Schweinskotelett* и д.

Уже Биленштейнъ (Lett. Spr. I, 455, Lett. Gram. 276) замѣтилъ въ латышскомъ языкѣ указанное чередованіе единственнаго числа съ множественнымъ въ употребленіи родительнаго падежа, но онъ считаетъ эти родительные пад. на -и (*bērzū lapa*) родит. ед. числа, принимая, что въ нихъ -и произошло изъ -а вслѣдствіе ассимиляціи съ сосѣднимъ губнымъ звукомъ или окон-

чаниемъ слѣдующаго слова. Беценбергеръ (В.В. IX, 248) ищетъ въ формахъ родительнаго падежа на -и, какъ *tiltu grīda, ceļu mala*, слѣды древняго аблатива на -ōd. Но противъ толкованія какъ Биленштейна, такъ и Беценбергера говорить, во-первыхъ, то обстоятельство, что эти родительные пад. на -и употребляются исключительно въ общемъ, никогда индивидуальномъ значеніи, во-вторыхъ то, что они употребляются не только отъ а-основъ мужскаго рода, но и отъ ā-, ē-, i- основъ женскаго рода, напр. *aitu gaļa* наравнѣ съ *aitas gaļa*, баранина, *egļu, prēžu kūks* наравнѣ съ *egles, prēdes kūks*, еловое, сосновое дерево; *apšu lapa* съ *apses lapa*, осиновый листъ, *siržu draugs* съ *sirds draugs*, сердечный другъ. Ср. Indogerm. Forsch. XIII, 231. На основаніи сказаннаго оказывается, что родительные пад. мн. числа скрываются не только въ приведенныхъ примѣрахъ *strazd's, rat's, kap's, balt's, vérš(u)s, bēr's kumeliņ's, ūg's, gūj(u)s, dzēsm's*, но и по всей вѣроятности въ *cēm's, lauk's, cēlm's*. Всѣ эти примѣры заимствованы изъ мѣстностей, въ которыхъ краткія гласныя въ окончаніяхъ сокращаются до неузнаваемости; въ народной пѣсенкѣ, приведенной изъ Ангернмюнде: *šimtām nāk gūjus, véršus, šimtām bērus kumeliņus*, слѣдуетъ -и- безъ сомнѣнія считать вставкою, такъ какъ въ Ангернмюнде краткія гласныя въ окончаніяхъ такъ ясно не произносятся, чтобы можно было различить ихъ, и любимую вставкою въ ангернмюндскихъ народныхъ пѣсняхъ является гласная -и-, напр. *sūku lécu* = свинья прыгнула (*sūka léca*). Однакожъ въ томъ сомнѣваться нельзя, что эти род. падежи тождественны съ формами, приведенными выше изъ первыхъ латышскихъ книгъ и изъ верхне-латышскаго говора на -ūs, -us. Къ числу разсматриваемыхъ род. падежей слѣдуетъ вѣроятно отнести одну форму изъ средне-латышскаго говора, именно *kūpus*: *kūpus sūka neba-gūjas* (Зербень, Пибальгъ), мірская свинья не откармливается; *kūpus sūka* — такая свинья, которая не принадлежитъ одному человѣку, но обществу. Но ср. и замѣчаніе I. Зубатаго (*Über gewisse Genetivendungen* 23) къ *vaļus laudis*. Очень много род.

пад. мн. числа на -us встрѣчаются въ духовныхъ пѣсняхъ Элгера (1673 г.). Такъ въ одной пѣснѣ находимъ почти на каждой строкѣ род. пад. мн. числа на -us:

Tu daeβana es Maria graecnekus
 Tu es Eprecataja wyssus baedigus.
 Tu es edzeβen Maria wyssus waius,
 Tu es pallidzenataia wyssus kristitus.
 Tu Kaeninga es Engelus vnd Prophetus,
 Patriarchus, Apostolus vnd vyssus Swaetus
 No teuw ara yzgais taisne wyssus Swaetus Saule.

Элгеръ пишетъ на средне-латышскомъ языкѣ; поэтому мы могли бы заключить, что во времена Элгера род. пад. мн. числа на -us былъ весьма употребителенъ въ средне-латышскомъ языкѣ. Но про Элгера мы знаемъ, что онъ жилъ сперва въ Венденѣ, гдѣ онъ, вѣроятно, научился среднелатышскому языку, а потомъ въ Двинскѣ. Поэтому возможность не исключена, что родительный пад. мн. числа на -us Элгеромъ заимствованъ отъ Двинскаго (верхне-латышскаго) говора.

Уже Беценбергеръ (Lett. Dial.-Stud. 161) сопоставляетъ, сомнѣваясь правда, окончаніе этихъ род. пад. съ окончаніемъ древне-индійскаго родительнаго двойственнаго числа на -ōṣ. I. Зубати (Über gew. Genetivendungen 12) признаетъ возможность такого сопоставленія, указывая, во-первыхъ на то, что формы дв. числа нерѣдко замѣняютъ формы мн. числа, и во-вторыхъ, на то, что по звуковымъ законамъ изъ — *aus въ латышскомъ языкѣ должно было произойти -us, къ которому по аналогіи съ родительнымъ падежомъ мн. числа tū могло появиться tūs, верхне-латышскаго tūs.

Но Зубати указываетъ еще на другую возможность объясненія этихъ латышскихъ формъ. Какъ въ латышскихъ а- основахъ окончаніе родительнаго мн. числа на -ūs -us совпадаетъ съ окончаніемъ винит. пад. мн. числа, такъ существуютъ въ ведахъ винит. пад. мн. числа на -ān, изъ -*āns, въ функціи родит. отъ а-

основъ, напр. *dēvān ḡānta*, родъ боговъ. Одновременное существованіе *o-* и *ā-* основъ рядомъ съ *p-* основами извѣстное явленіе въ индоевропейскихъ языкахъ; продуктомъ такого чередованія по мнѣнію Зубати является ведійскіе род. пад. на *-ān*, **āns*, лат. родит. на *-ūs -us*.

Въ пользу послѣдняго толкованія говоритъ одно мѣсто у Манцелія (*Vademecum*): *bes zittus Pilis, katrus* (вм. *katras*) *zitti sweschi Karraŋaudis turreya*¹⁾, за исключеніемъ остальныхъ замковъ, которые держали (въ своихъ рукахъ) чужіе войны. Если въ *zittus Pilis* не скрывается синтаксическая ошибка, то этотъ род. пад. мн. числа *Pilis* ни коимъ образомъ нельзя возвести къ род. дв. числа **pil -aus*, но только **pil -īns* = вед. род. мн. числа на *-īn*. Но хотя Манцелій первый лучшій знатокъ латышскаго языка, то все-таки нельзя отрицать, что и въ его сочиненіяхъ встрѣчаются крупныя ошибки, какъ напр. въ приведенномъ примѣрѣ винит. пад. мн. числа мужескаго рода *katrus* по отношенію къ имени существительному женскаго рода *Pilis*. Поэтому весьма возможно, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ ошибочнымъ употребленіемъ винительнаго пад. мн. числа вмѣсто родит. или дательнаго пад.; ср. *star, pslepkaŋus* (*Fürecker*), *ayz savus paradus* (*Dispositio Imperfecti*). Но къ какому объясненію этихъ родит. падежей на *-us* ни примкнуть, остается во всякомъ случаѣ безспорнымъ, что мы въ латышскихъ формахъ *dīvēiš* (*dīvēis*), *abēis* имѣемъ не сомнѣнные остатки мѣстныхъ—родительныхъ падежей двойств. числа.

Дательный — творительный пад. дв. числа.

Въ первыхъ памятникахъ латышскаго языка (*Der Katechismus, D. Vndeutschen Psalmen*) дат.—твор. пад. мн. числа имѣетъ окончаніе *-ms*. Въ сочиненіяхъ же Манцелія (род. 1593 г.) чередуется окончаніе *-ms* съ *-m*. Ср. Шмидтъ, *Живая старина V, 165*. Въ теченіе времени окончанія *-ēms, -āms, -éms, -īms* или

1) См. Вольтеръ, *Литовская Хрестоматія*, стр. 126.

ims все болѣе и болѣе уступали мѣсто окончаніямъ -ĕm, -ám, -ĕm, -ím, или -im, такъ что въ наше время сохранились только рѣдкіе остатки окончаній съ конечнымъ -s въ сѣверо-западной Курляндіи: въ Нидер-Бартавъ, Дурбенѣ, Сакенгаузенѣ, Феликсбергѣ (vińims), Пильтенѣ (tĕms), Сурсѣ (vińĕms), Зиргенѣ (vińims), Сарнатенѣ (citims), Таргелнѣ (vińĕms), Попенѣ (pašĕms, vińĕms, tims), Ангернмюнде (vińĕms), Дондангенѣ (tádĕms, ľaudĕms) и у Куришь-гаффа. Ср. Bezzenberger, Die Sprache der preussischen Letten, Mag. XVIII, 55; Bielenstein II, 35.

Кто разсматриваетъ языки лишь съ односторонней исторической точки зрѣнія, тотъ могъ бы на основаніи указанныхъ историческихъ данныхъ, легко придти къ заключенію, что въ началѣ шестнадцатаго вѣка окончанія -ĕm, -ám, -ĕm, -ím (im) произошли изъ -ĕms, -áms, -ĕms, -íms (-ims). Однакожъ такое заключеніе оказывается совершенно ошибочнымъ въ виду звукового закона, по которому на концѣ словъ -s въ латышскомъ языкѣ никогда не отпадаетъ. Нельзя сомнѣваться, что формы дательнаго пад. мн. числа на -m существовали уже до времени Манцелія; отцы латышской литературы ихъ только не употребляли.

И во многихъ литовскихъ говорахъ встрѣчаются окончанія дат. пад. мн. числа -am, -ĕm, -om, -ím, -um вм. -ams, -ĕms, -oms, -ims, -ums, и окончаніе твор. пад. мн. ч. -am, -om, -ím, -um вм. -am(i)s, -om(i)s, -ím(i)s, -um(i)s; ср. Kurschat, Gram. § 531, 605, 607, 665, 666, 703, 704 и т. д. Leskien und Brugmann, Lit. Volkslieder und Märchen 297. Но что это за m- формы? Брюкнеръ (Archiv f. slav. Philol. III, 302) объясняетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: «Потерю согласной -s въ упомянутомъ случаѣ никоимъ образомъ нельзя объяснить звуковымъ путемъ, такъ какъ этимъ говорамъ отпаденіе согласнаго s чуждо; мы имѣемъ здѣсь дѣло съ перенесеніемъ формъ. Отпаденіе согласнаго s вызвано дв. числомъ. Путь развитія слѣдующій: сперва говорили правильно *sù dvĕm mergõš*, съ двумя дѣвушками, *sù (trimis mergomìs) trĕms mergõms*, съ тремя дѣвушками; форма

дат. пад. дв. числа *dvēm* повліяла на *trīms* и также на остальные числительныя, и такъ получилось *sū trīm mergōms*; отсюда остался только незначительный шагъ къ *sū trīm mergōm*; тоже самое случилось съ дательнымъ падежомъ.

Такъ какъ и въ латышскомъ языкѣ *s* не отпадаетъ въ концѣ словъ, то мы должны принять тотъ же путь развитія, чтобы объяснить дательные падежи мн. числа *grékēm, lērām, sirdīm*.» Это толкованіе Брюкнера просто и убѣдительно, поэтому съ нимъ соглашается Бругманъ (Lit. Volkslieder und Märchen 298), Зубатый (O alliteraci 8). При этомъ толкованіи становится также болѣе понятнымъ вытѣсненіе исконнаго творительнаго падежа мн. числа на *-ēs, -is*, отъ *a-* основъ (ar *tēs vīris*) дательнымъ — творительнымъ дв. числа на *-ēm* (ar *tēm vīrēm*). Но ср. Brugmann, Grundriss II, 709, 715; Zubatý, die sogenannten Flickvocale 13 и Indogerm. Forsch. XIII, 250.

Особенности въ склоненіи числительныхъ abi, divi.

Разсмотрѣвши остатки дв. числа въ именномъ склоненіи, скажемъ еще нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ, не совсѣмъ ясныхъ формахъ самыхъ важныхъ представителей дв. числа *abi, divi*.

Формы *abi* (= слав. обѣ), *divi* (= слав. дѣвѣ) довольно ясны, какъ уже выше указано. Ясны также формы род. пад. *abu, divu*, дат. муж. р. *abēm, divēm*, женск. род. *abām, divām*, винит. *abus, abas, divus, divas*, — это правильныя формы именнаго склоненія, какъ *labu, labēm, labām, labus, labas* отъ имен. пад. *labi*; но не такъ ясны формы съ *j* передъ падежными окончаніями: *abju, abjēm, abjām, abjus, abjas, abjūs, abjās*. Эти формы я слышалъ въ Добленѣ, Абгунстѣ, Грюнгофѣ, Альтъ-Дуцѣ, Гавезенѣ, Руцавѣ; въ названныхъ мѣстностяхъ, за исключеніемъ Гавезена и Руцавы, гдѣ употребляются формы *duju, dujēm, dujām* и т. д., встрѣчаются также формы *divju, divjēm, divjām, divjus, divjas, divjūs, divjās*. Но откуда получилось это *j* въ названныхъ формахъ? Въ Абгунстѣ и Грюнгофѣ наравнѣ съ

род. пад. *abju*, *divju* встрѣчаются формы *abéju*, *divéju*, напр. *divéju gadu vecs*, два года отъ роду; *divéju dēnu laiká*, въ теченіе двухъ дней; *šū abéju krūmu ūgas labas*, ягоды этихъ обоихъ кустарниковъ хороши. Долгота гласной -е- въ *abéju*, *divéju* не первоначальна, но заимствована отъ аналогичныхъ словъ съ первоначальною долготою, напр. *neséjs*, лит. *neszējas*, *áudejs*, лит. *audējas*. Форма литовскаго родительнаго падежа *dvējū*, вм. *dvejū*, получила -ē- отъ дат.-творит. пад. *dvēm*. Ср. Brugmann, Grundriss II, 657. Первоначальная гласная -е- сохранилась въ числительномъ *dveji*, лат. *divéji* (въ нѣкоторыхъ говорахъ *diveji*), развившемся, на нашъ взглядъ, отъ родит. пад. дв. числа *dvejū (*diveju*). По аналогіи лит. *dveji*, лат. *divéji* образовалось въ литовскомъ языкѣ *treji*, а въ латышскомъ языкѣ *treji*, *četrēji*, *rēcēji*; ср. сходство значенія: *svinēja divēiš kázas*, праздновали свадьбу двухъ (молодыхъ паръ), и: *svinēja divéjas kázas*, праздновали двойную свадьбу; *tur ganīja divi gani*, тамъ пасли два пастуха, *tur ganīja divéj' gani* BV. 761, тамъ пасли пастухи двухъ (хозяевъ); *gājis ar abēm ábūlēm uz pilsētu*, онъ отправился съ обоими яблоками въ городъ; *gājis ar abéjēm ábūlēm uz pilsētu* LP. VI, 602, онъ отправился въ городъ съ яблоками сорванныхъ съ обоихъ деревьевъ.

Толкованіе Биленштейна (Lett. Spr. II, 65), будто въ *divéje* -е- произошло изъ *a* подъ вліяніемъ слѣдующаго *j* не основательно, такъ какъ *divéji*, *abéji*, род. *divéju*, *abéju* встрѣчаются въ такихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ *j* такого вліянія не имѣетъ, напр. въ Грюнгофѣ род. *divéju*, *abéju* рядомъ съ дат. пад. ед. ч. *labajam*, дат. мн. ч. *labajēm*, *labajám*.

Трудно сказать, какимъ путемъ произошли родительный пад. *abju*, *divju*, изъ *tbéju*, *divéju* (*abeju*, *diveju*). Въ тамскомъ говорѣ выпадаетъ -е- передъ *j*, напр. въ дат. пад. ед. ч. *kāljam* = *kaléjam*, кузнецу, въ Шлекѣ, Вензавѣ, Газавѣ, Таргелнѣ; *kāljem* = *kaléjam* въ Попенѣ, Ангермюндѣ, Анценѣ. Но подобное выпаденіе гласной *e* чуждо тѣмъ говорамъ, въ которыхъ встрѣчаются формы *abju*, *divju*; поэтому я склоненъ предположить,

что формы abju, divju произошли отъ слиянія родительныхъ abu, divu съ abéju, divéju (abeju, diveju). Изъ родит. пад. j распространилось на другіе падежи: abjém, abjám, divjém, divjám, abjus, abjas, divjus, divjas, abjūs, abjás, divjūs, divjás.

Вмѣсто именит.-винительнаго divi читаемъ въ грамматикѣ «Dispositio Imperfecti» форму dū. Эта верхне-латышская форма тождественна съ литовскою dū, изъ *dvū, и ведетъ свое происхожденіе отъ индоевропейской основы dco. Въ Феликсбергѣ, Пильтенѣ и Шлекѣ встрѣчается имен.-винит. du, который, по-видимому, соотвѣтствуетъ литовскому dū и только что приведенному верхне-латышскому dū. Но такъ какъ въ названныхъ мѣстностяхъ также и другія двугласныя теряютъ конечное -i, напр. va вм. vóu, lę вм. lóu, то, не принимая во вниманіе другихъ причинъ, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь при разсмотрѣніи формы dui, мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что тамъ du возникло изъ dui. Имен.-винительный муж. и женск. рода dui мнѣ приходилось слышать въ западной Курляндіи: Фрауенбургѣ, Шрунденѣ, Иргенѣ, Дуренѣ, Рингенѣ, Грезенѣ, Нигранденѣ, Амботенѣ, Мелдзернѣ, Прекулнѣ, Грамзденѣ, Калетенѣ, Крутенѣ, Обер-Бартавѣ, Руцавѣ, Нидер-Бартавѣ, Гавезенѣ, Ильгенѣ, Дурбенѣ, Тадайкенѣ, Лигутенѣ, Дубеналкенѣ, Виргиналенѣ, Турлавѣ, Руденѣ, Нейгаузенѣ, Кацдангенѣ, Газенпотѣ, Априкенѣ, Дзервенѣ, Циравѣ, Сакенгаузенѣ, Алшвангенѣ, Эдваленѣ, Гольдингенѣ, Снепельнѣ, Сарнатенѣ, Вензавѣ, Сурсѣ, Газавѣ, Виндавѣ, Попенѣ, Ангермюнде, Анценѣ, Дондангенѣ, Эрваленѣ, Маркграфенѣ, Стенденѣ, Спаренѣ, Цабелнѣ, Рененѣ, Кабиленѣ. Ср. Bielenstein, Die Grenzen 397.

Форму du-, заключающуюся въ dui, никоимъ образомъ нельзя отнести къ индоевр. основѣ *dco-, во-первыхъ, потому, что въ латышскомъ языкѣ долготы въ односложныхъ словахъ не сокращаются такъ, какъ въ литовскомъ языкѣ, но сохраняются (ср. лат. tā съ лит. tà, эта; винит. пад. мн. ч. женск. р. tās съ лит. tàs (tás); винит. пад. мн. ч. муж. р. tūs съ лит. tūs (tūs); III лицо буд. вр. bús, rīs съ лит. būs, онъ дудеть, rīs, онъ

будетъ проглатывать), и слѣдовательно предполагаемый имен.-винительный пад. дв. ч. *dŭ́ долженъ былъ бы въ средне-латышскомъ и тамскомъ говорѣ остаться неизмѣненнымъ, а въ верхне-латышскомъ говорѣ превратиться въ dū; ср. Dispositio Imperfecti; во-вторыхъ, потому, что имен.-винительный dui встрѣчается только въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ первоначальное u сохранилось и не перешло въ i: dubèns, дно, zuvs, рыба, suvéns или suvèns, поросенокъ вл. литературн. dibèns, zivs, sívèns, и слѣдовательно мы должны предполагать, что въ dui не продуктъ какого то сокращенія, но такое же первоначальное u, какъ въ словахъ dubèns, zuvs, suvéns.

И такъ dui не имѣетъ основу *dŭo-, но *duo; образовалось же dui изъ *duo слѣдующимъ образомъ: *duvŭ́, *duvu, *duu, какъ въ род. пад. мн. числа zuu изъ zuvu въ Рупавѣ, zúitiña изъ zuvitiña въ Прекулнѣ, Виргиналенѣ, какъ gŭ́-i изъ gŭ́vi въ Нигранденѣ, какъ suans, мн. ч. suan изъ suvans, мн. ч. suvan въ Пильтенѣ; изъ suans, suan развилось въ Шлекѣ и Сарнатенѣ: sŭns, sŭn=suvans, suvani. Когда окончаніе дв. ч. среднего рода -i вытѣснило окончаніе мужескаго рода -u, могло изъ предполагаемаго имен.-винительнаго *duu непосредственно произойти dui. Но болѣе вѣроятнымъ намъ кажется, что во избѣжаніе стеченія двухъ гласныхъ вставлялось j въ формѣ *duj. и такимъ образомъ получалось: duju, duji, duj, dui; ср. въ тамскомъ говорѣ tuj, близко, изъ tuju, tuu, tuvu; род. пад. мн. ч. zuj или zŭj изъ zuju, zuu, zuvu въ Дондангенѣ, Пуненѣ, Эрваленѣ; такимъ же образомъ, т. е. исчезновеніемъ v и вставленіемъ j произошли въ Дондангенѣ gŭj's, aĵ's изъ gŭvis, коровы, avis, овцы.

Въ пользу второго объясненія формы dui говорятъ 1) формы другихъ падежей: род. duju, дат. dujĕm, dujám, мѣстн. dujŭs, dujás, 2) тотъ фактъ, что у прусскихъ латышей находимъ предполагаемый имен.-винительный duju; ср. Bezenberger Mag. VIII, 72, и 3) то, что въ произношеніи нерѣдко слышется болѣе duj, чѣмъ dui.

Что duj, dui происходитъ отъ основы *duo-, а не изъ *dŭo-,

на это указывает и то, что въ области распространения этой формы встрѣчается *dūvejáds*, двойкй (напр. въ Алшвангенѣ, Амботенѣ), 2) *Duvzare* (ср. Bielenstein, Die Grenzen 229), старинное названіе въ области, словосложное, въ первой части котораго скрывается по всей вѣроятности *dūv'* два, и 3) форма *dūva*, два, въ Сакенгаузенѣ. Ср. Bielenstein Lett. Spr. II, 64. Теперь, кажется, въ Сакенгаузенѣ форма *dūva* больше не употребляется; я по крайней мѣрѣ встрѣчалъ тамъ только *dui*. Сакенгаузенская форма *dūva* съ своимъ конечнымъ -а такъ же загадочна, какъ имен.-винительный *aba* (*dui*), слышанный мною въ Крутенѣ и Нидер-Бартауѣ. Если допустить возможность вліянія русскаго слова «четыре» на преобразование лат. **cetri* въ *četre*, то не покажется слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что русское дв. число два, оба — источникъ разсматриваемыхъ странныхъ латышскихъ формъ *dūva*, *aba*.

Въ грамматикѣ «Dispositio Imperfecti» встрѣчается имен.-винит. женск. рода *abi divis* или *abis*; въ Крутенѣ я слышалъ именительный падежъ *abis*, относящійся къ подлежащимъ мужскаго и женскаго рода: *mācītájs un vīna cēmāte* — *abis dui vél jāuni*, пасторъ и его супруга — оба еще молоды. Прусскіе латыши у Куршнъ-гаффа употребляютъ формы *abis* во всѣхъ падежахъ мужскаго и женскаго рода: имен. *abis dujis méitas*, *abis duji lūpi*, род. *nu abis duju rūku*, дат. *abis dujims brālims*, *abis dujams māšams*, вин. *abis dujus zīrgus*, творит. *ar abis dujis zīrges*, *ar abis dujam rūkam*. Ср. Bezenberger, Mag. XVIII, 72.

Именительный пад. женскаго рода *dujis* Беценбергеръ (Mag. XVIII, 73) склоненъ считать за простое фонетическое преобразование изъ *dujas*. Но съ такимъ толкованіемъ мы не можемъ согласиться, такъ какъ мы не можемъ придумать никакой причины, которая могла бы побудить языкъ къ такому фонетическому преобразованію. *Dujis*, на нашъ взглядъ, такая же форма, какъ несклоняемое *abis*. Но что *abis* за форма, мы узнаемъ, если будемъ имѣть въ виду верхне-латышскій говоръ, въ которомъ

также встрѣчается имен.-винит. женск. р. *obys*. Ср. BV. 3369,з. Въ верхне-латышскомъ языкѣ такіе имен.-винительные пад. на *-is* отъ *ā-* и *ē-* основъ весьма употребительны, напр. *meitys* BV. 261,з; 576,6; 680; *ceukys arādušys* = *cūkas arēdušas*, свиньи съѣли. Зубатый (*Über gewisse Genetivendungen* 25) считаетъ, въ виду смѣшенія *i-* и *e-* основъ въ латышскомъ языкѣ, возможнымъ видѣть въ этихъ верхне-латышскихъ имен.-винительныхъ на *-is* окончаніе *i-* основъ, но Беценбергеръ (*Lett. Dialect-Stud.* 93¹) предполагаетъ, что окончаніе этихъ имен.-винительныхъ на *-is* возникли изъ — *ens. Омертвѣлость формы *abis* (изъ *abens) говоритъ въ пользу объясненія Беценбергера, такъ какъ не было бы понятно, какимъ образомъ форма имен.-винительнаго пад. *abis* могла бы у прусскихъ латышей омертвѣть при предположеніи Зубати, т. е. въ томъ случаѣ, если она принадлежала къ *i-* склоненію, сохранившемуся еще въ языкѣ прусскихъ латышей. Если же предположить, что форма *abis* представляетъ жалкій остатокъ исчезнувшаго въ языкѣ прусскихъ латышей склоненія, то омертвѣлость этой формы намъ становится вполне понятною. И такъ *Dispositio Imperfecti* и верхне-латышскій говоръ, ограничивая форму *abis* имен.-винительнымъ женскаго рода, представляетъ первоначальное употребленіе этой формы; въ языкѣ прусскихъ латышей она омертвѣла вслѣдствіе исчезновенія аналогичныхъ имен.-винительныхъ пад. женск. р. на *-is* изъ **-ens* отъ *ā-* и *ē-* основъ. Если наше объясненіе формы *abis* не ошибочно, то имен.-винительные падежи женск. р. на *-ns* отъ *ā-* и *e-* основъ оказываются обще-латышскими; они, по всей вѣроятности, даже восходятъ къ балтійско-славянскому періоду, такъ какъ по вѣроятному толкованію I. Микколы (BV. XXII, 249) не только окончаніе род. пад. ед. ч. на *-ы* (рыбы), но и то же окончаніе имен.-винительнаго пад. мн. ч. произошло изъ **-ōns*. Ср. *Zubaty*, *Archiv f. slav. Philol.* XV, 512.

Укажемъ еще наконецъ на форму дательнаго пад. мн. ч. муж. р. на *-ūm*: *abjūm*, *dūjūm*, встрѣчающійся въ *Обер-Бартауѣ*; тамъ же и: *trijūm*. Ср. *Mag.* XVIII, 16. Окончаніе *-ūm* безъ

сомнѣнія произошло, приравняясь окончанію мѣстнаго падежа на -ūs: abjūm dujūm по аналогіи abjūs dujūs.

Дв. число въ мѣстоименномъ склоненіи и въ личныхъ окончаніяхъ глагола.

Личныя мѣстоименія потеряли въ латышскомъ языкѣ дв. число безслѣдно. Въ Рудавѣ, правда, встрѣчаются еще въ наше время двойственное число мѣстоименій перваго и втораго лица: имен.-винит. mūdui, jūdui, дат. mūdujēm, jūdujēm; имен.-винит. mūdui, jūdui употребляются и въ функціи родит. пад., напр. kū jūdui gribisnū mūdui? чего вы оба хотите отъ насъ обоихъ? Но въ Рудавѣ находимъ не только много литовскихъ словъ, но и литовскія формы, такъ напр. прошедшее время на -ava отъ глаголовъ, оканчивающихся въ неопредѣленномъ наклоненіи на -ūt: lūkaва вм. lūkūja, отъ lūkūt, смотрѣть, melava вм. melūja, отъ melūt, лгать. Такъ и формы mūdui, jūdui, на нашъ взглядъ, не слѣдуетъ считать за исконное достояніе латышскаго, но за заимствованіе отъ сосѣдняго литовскаго языка: mùdu, jūdu. Ср. Mag. XVIII, 48.

Но въ личныхъ окончаніяхъ глагола уцѣлѣли еще ясныя слѣды дв. числа во второмъ лицѣ мн. числа éita, какъ совершенно правильно отмѣчено Бругманомъ (Grundriss II, 1359) и Зубатымъ (O alliteraci, 8). Éita употребляется въ функціи повелительнаго и изъявительнаго наклоненія, однакожь не вездѣ, но только въ немногихъ мѣстностяхъ Курляндіи; я слышалъ эту форму въ Абгунстѣ, Грюнгофѣ, Альтъ-Ауцѣ, Грезенѣ, Вибингенѣ, Войноденѣ, Амботенѣ, Грамзенѣ, Крутенѣ. Ср. Bielenstein, Lett. Spr. II, 126. Въ современномъ языкѣ окончаніе -ta ограничивается однимъ глаголомъ éita, но въ 17 вѣкѣ оно по свидѣтельству Дресела и Манцеля было весьма употребительно и въ повелительномъ и изъявительномъ наклоненіяхъ всѣхъ глаголовъ: Nhe ghadajeeta par juhssu Dsiewibu, ko juhss ehdiesseta unnd dserseeta neds arridsan par juhssu Meessu, ko juhss

arwilxeeta Manc. Postill II, 25). Ср. Bielenstein Lett. Spr. II, 126, П. Шмидтъ, Живая старина V, 166. Что эти формы на -ta первоначально принадлежали двойственному числу, въ томъ легко можно убѣдиться изъ литовскаго языка, гдѣ второе лицо мн. числа имѣетъ окончаніе -te (sùkate изъяс. накл., sùkkite повел. накл.), а то же лицо дв. числа -ta (sùkata изъясит. накл., sùkkita повел. накл.). Первоначальная форма мн. ч. на -te уцѣлѣла, какъ кажется, въ инфлянтскомъ говорѣ: eite, meitys BV. 2584 стр. 920, идите дѣвушки. И въ формѣ перваго лица мн. ч. éima, вм. eime, видны слѣды дв. числа; ибо законная форма *eime (=лит. eimè, превратилась въ éima¹) навѣрно подъ вліяніемъ окончанія -а въ дв. числѣ, или подъ вліяніемъ исчезнувшей формы перваго лица дв. числа *éiva (=лит. eivà), какъ Бругманъ (Grundriss II, 1355) предполагаетъ, или, что намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, по образцу втораго лица éita, какъ Зубати (O alliteraci 8) принимаетъ. Въ Грюнгофѣ мнѣ приходилось слышать и второе лицо дв. числа въ общемъ залогѣ: klausétás, слушайте, skatétás, смотрите, jūs dauzétás, вы шалите, jūs smesētás, вы будете смѣяться. Подобная замѣна перваго и втораго лица мн. числа двойственнымъ наблюдается въ литовскомъ языкѣ. Ср. Brugmann, Grundriss 1355, 1359.

Тѣмъ исчерпаны всѣ остатки дв. числа, насколько они намъ извѣстны въ латышскомъ языкѣ. Изъ разсмотрѣнныхъ формъ дв. числа уцѣлѣли однѣ, вытѣсняя соотвѣтствующія формы мн. числа и принимая на себя функцію послѣднихъ: éita вм. éite, tēm vīgēm вм. tēms vīgēms; другія же—сохраняя болѣе или менѣе характеръ дв. числа. Больше всего удержали свой первоначальный характеръ формы abeiš и diveiš, по аналогіи которыхъ не образовались trijēiš, četrēiš и т. д. Но хотя вин. пад. дв. числа на i- употребляется, по аналогіи числительнаго divi, въ связи со всѣми числительными, что свидѣтельствуетъ о сильномъ паденіи

---

1) Форма éima, повидимому, встрѣчается рѣже, чѣмъ éita; ee я встрѣчалъ только въ Альтъ-Ауцѣ, Грезенѣ и Крутенѣ.

сознательнаго употребленія дв. числа, то все-таки никоимъ образомъ нельзя утверждать, что онъ является вполне въ функціи мн. числа, потому что онъ встрѣчается исключительно только въ связи съ числительнымъ и тѣмъ доказываетъ свою принадлежность къ двойственному числу.

К. Мюленбахъ.

Рига.

